

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ
Н.А. ЛАКОБА

НЕСТОР

Альманах

№ 2

Сухум, 2023

УДК 93/94(050)
ББК 63.3(5Абх)6я54
Н 56

Главный редактор: С.З. Лакоба

Редакционная коллегия: Л.В. Маля, Н.Д. Ашуба,
А.Я. Дбар (отв. секретарь),
А.Р. Латария

НЕСТОР. Альманах. № 2. Сухум, 2023. – 68 с.

Г/р 978-5-111-10022

«Нестор» – альманах Историко-мемориального музея Н.А. Лакоба, в котором публикуются историко-публицистические материалы по абхазской тематике, в основном, 20–30-х гг. XX века.

Стиль, орфография и пунктуация приводимых документов сохранены без изменений.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Лакоба. О чем рассказала фотография?	4
В. Чирикба. Визит к Н.А. Рыковой	17
Ю. Анчабадзе. Культ Сарии Лакоба в общественном пространстве современной Абхазии	19
С. Лакоба. Гибель Сарии: как это было...	23
Архимандрит Дорофей (Дбар). Государственный архив Абхазии: вандализм и чудо	27
Фотоархив	30
По следам АБНО:	
Г. Фальборк, Г. Барач, М. Иващенко, А. Лукин	32
<i>К 130-летию Е.А. Эшба</i>	
А. Авторханов и В. Шаламов о Ефреме Эшба	39
<i>Воспоминания</i>	
И. Анчабадзе. Из воспоминаний	41
С. Газарян. Чалмаз	46
<i>Забывшие имена</i>	54
<i>По страницам старых газет</i>	
1-й международный конгресс красных профсоюзов в Москве (3–19 июля 1921 г.)	57
<i>По страницам сухумских газет</i>	59
<i>К 130-летию Н.А. Лакоба</i>	
Биография Н.А. Лакоба в датах	62
В. Стражев. Толумбашу	66

Станислав Лакоба

О ЧЕМ РАССКАЗАЛА ФОТОГРАФИЯ?

В 1982–1983 гг. и 9–11 октября 1987 г., находясь в Батуми, мне посчастливилось поработать с некоторыми документами из личного архива Н. Лакоба, который был сохранен его отважной женой Сарией и ее младшим братом Мусто Джих-оглы (позднее Джихашвили). Сделанные тогда выписки отдельных писем легли в основу моего очерка «Я – Коба, а ты – Лакоба», который печатался на страницах местной и российской прессы, а затем был опубликован в моей книге «Очерки политической истории Абхазии»¹.

Таким образом, впервые были изданы уникальные письма Ф. Дзержинского, С. Орджоникидзе и др., адресованные Нестору Лакоба в начале 1920-х годов и связанные с драматическими политическими событиями в РСФСР и СССР.

¹ Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 101–140.

Как известно, в 1922 г. в Сухуме побывал Ф. Дзержинский. В личном архиве главы правительства Абхазии мне попалось интересное письмо С. Орджоникидзе:

17/9 22 г.

Дорогой Атарбегов!

В половине октября придет к нам тов. Дзержинский, надо будет устроить его в Сухуме. Вызови Лакобу и переговоры с ним. Надо предоставить лучшее помещение на берегу моря. Будет он, Ягода еще два-три товарища и человек 8 охраны. Помещение должно быть абсолютно чистое и удобное. Надеюсь все это сделаешь.

Твой Серго.

Судя по всему, это письмо Г. Атарбеков переслал Нестору, с которым был тесно связан с 1917 г., а в апреле-мае 1918 г. он и Лакоба были заместителями Председателя Военно-Революционного комитета Абхазии (Ефрема Эшба).

Через неделю, 25 сентября 1922 г. с письмом обратился уже сам Орджоникидзе:

Дорогой тов. Лакоба!

Могилевский и Атарбеков тебе наверное уже сообщили о том, что тт. Дзержинский, Ягода и др. едут в гости к тебе на два месяца. Надо их поместить в лучшем (в чистом, без насекомых, с отоплением, освещением и т.д.) особняке у самого берега моря. Быть во всех отношениях достойным абхазцу гостеприимным хозяином, в чем у меня нет ни малейшего сомнения.

Подробнее расскажет податель сего.

Будь здоров. Крепко жму твою руку.

Твой Серго.

Эти письма совпали по времени с началом «Грузинского дела» (в конце сентября 1922 г.) между московскими кураторами Грузии Сталиным-Орджоникидзе и группой руководящих большевиков в Тифлисе Махарадзе-Мдивани.

Весной 1922 г. Сталин стал Генеральным секретарем ЦК РКП(б) и предложил при конструировании Закавказской Федерации (ЗСФСР) и СССР свой план «автономизации», суть которого за-

ключалась в том, чтобы Украина, Белоруссия и ЗСФСР не объединялись, а вошли в состав Российской советской республики на правах автономий.

Вот на этой основе в период пребывания Дзержинского в Абхазии и разгорелись в Москве и Тифлисе страсти между Сталиным и группой старых грузинских большевиков (Филипп Махарадзе-Буду Мдивани), которых стали именовать «национал-уклонистами», так как они были за равноправные отношения с Москвой, а по вопросу создания СССР (а ранее ЗСФСР) выступали за союз «суверенных республик», то есть фактически за конфедерацию.

Такова была подоплека событий, громкая развязка которых произошла чуть позже, в конце ноября 1922 г., и Сталин не мог не предполагать, что все завершится громким скандалом. Помимо Орджоникидзе ему нужны были в этом вопросе и другие авторитетные союзники-практики. Одним из них был «железный Феликс», основатель грозной Чрезвычайной комиссии (ЧК), а затем председатель ГПУ и одновременно руководитель Наркомата путей сообщения РСФСР (1917–1923 гг.). В тот период Дзержинский тяжело болел и впервые, по настоянию Ленина, в 1921 г. ушел в отпуск и лечился.

К 1922 г., с приходом Сталина, в Кремле многое изменилось. В начале он занимал казалось бы техническую должность секретаря и не пользовался в партии достаточным авторитетом на фоне Троцкого, Бухарина, Каменева, Зиновьева и др. Однако, за счет аппаратной подковерной борьбы, он быстро набирал вес и стал повсюду расставлять свои кадры.

Об этом периоде Л. Троцкий вспоминал: «Ленин Дзержинского очень ценил. Охлаждение между ними началось тогда, когда Дзержинский понял, что Ленин не считает его способным на руководящую хозяйственную работу. Это собственно и толкнуло Дзержинского на сторону Сталина».

К этому времени Сталин уже имел прочные контакты с Н. Лакоба через своих доверенных людей (Орджоникидзе, Атарбеков) и, естественно, они не могли упустить случая оказать теплый кавказский прием в Абхазии «нужным» товарищам.

В начале октября Дзержинский с большой командой охранников и чекистов прибыл в Сухум, где отдыхал, ходил на охоту, наслаждался субтропиками в экзотическом саду Смецкого и жил в

особняке у самого моря, вплоть до 25 ноября 1922 года. Полтора месяца он был окружен теплотой и заботой, вниманием главы правительства Абхазии. Возможно, это были самые светлые дни в его жизни, а солнечная осень настраивала на лирический лад. В письме жене Софье (Зофье) 10 ноября 1922 г. он сообщал: «Тут солнце, тепло, море безбрежное и вечно живое, цветы, виноградники, красиво, как в сказке... Кругом пальмы, мимозы, эвкалипты, кактусы, оливковые, апельсиновые и лимонные деревья, цветущие розы, камелии, магнолии – повсюду буйная растительность, вдали же цепи покрытых снегом гор, а ниже огромные леса»¹.

Будучи студентом 4 курса исторического факультета Сухумского госпединститута Владислав Ардзинба обратился с письмом к жене Дзержинского – Софье Сигизмундовне (1882–1968), на которое она откликнулась 4 апреля 1966 года.

Уважаемый тов. Слава!

На днях получила Ваше письмо, я очень рада, что Вам понравилась моя книга...

Вы спрашиваете, встречался ли в Сухуми Феликс Эдмундович с руководящими «видными абхазскими большевиками».

Я помню, что Феликс Эдмундович неоднократно упоминал мне фамилию тов. Лакоба и говорил о необыкновенном гостеприимстве его и других сухумских товарищей, которые, между прочим, подарили ему толстую, крепкую палку (имеется ввиду абхазская «алабаша», которую дарили особо почитаемым людям – С.Л.) с соответствующей надписью серебром. Эту палку я впоследствии передала в Музей Октябрьской Революции в Ленинграде, где имеется зал, посвященный Ф.Э. Дзержинскому.

С кем еще из абхазских товарищей кроме тов. Лакоба, встречался Феликс Эдмундович, я не знаю. Сохранилась фотография группы тов., отдыхавших в Сухуми в санатории, в том числе Ф.Э. Дзержинского и Серго Орджоникидзе.

*Но этой фотографии в данный момент у меня нет.*²

¹ Цит. по: Ардзинба В. Феликс Дзержинский и Абхазия // Сов. Абхазия. 1966. 1 июня 1966; Владислав Ардзинба. К 70-летию со дня рождения. Сухум. 2015. С. 176–185.

² См.: Владислав Ардзинба. К 70-летию... С. 186.

Спустя несколько лет Владислав Ардзинба продолжил исторические изыскания в аспирантуре Института востоковедения в Москве, стал доктором наук и Президентом Абхазии.

...Дзержинский не только отдыхал, его интересовало буквально все, – он побывал в разных уголках Абхазии, останавливался в Ново-Афонском монастыре, гостил в Лыхны, выступал на сходе в Самурзакани, любовался Гагрой, инспектировал морские порты в Сухуме и даже в Батуми, приняв меры для их восстановления и оснащения.

Известный английский исследователь Дональд Рейфилд в книге «Сталин и его подручные» (М. 2008) относительно этого периода отмечает, что у генсека партии тогда было одно тайное «оружие» – кавказское гостеприимство, – и Нестор, который пользовался особым доверием Сталина. «После десятилетий лишений и безылазного бдения в темных камерах и кабинетах, – пишет Рейфилд, – гостеприимство очаровало даже сурового Дзержинского. Лакоба, который еще пятнадцать лет будет оставаться в фаворе у Сталина, оказался превосходным орудием для управления и даже устранения соперников».

Интересно отметить одну деталь. Как только десант чекистов осенью 1922 г. высадился в Сухуме, они обратили внимание на человека интеллигентного вида с седой бородой, который вышел из небольшого домика у въезда в дом отдыха. Дзержинский окинул его взглядом и спросил у Нестора, кто он? Тот ответил, что это наш садовник. Когда гости поднялись на верхнюю площадку к роскошному особняку, Нестор нашел Смецкого, которого очень уважал, и попросил, чтобы тот временно не выходил из домика. Жена Смецкого, прожившая много лет, часто рассказывала об этом случае.

Прошло полтора месяца как Ф. Дзержинский находился на отдыхе в Абхазии. Между тем обстановка в Тифлисе вызывала большое беспокойство в Москве. Решением секретариата ЦК РКП(б) Дзержинский был направлен в Грузию во главе комиссии, сформированной Сталиным, для расследования инцидента между секретарем Закавказского крайкома партии Орджоникидзе и руководством местных большевиков Ф. Махарадзе, Б. Мдивани, М. Окуджава, А. Кобахидзе и др. «Национал-уклонисты» выступали против вхождения Грузии в СССР через Закавказскую федерацию и требовали непосредственного вхождения. Абхазская

же республика выдвигала требование о вхождении в ЗСФСР в качестве самостоятельной четвертой единицы наряду с Грузией, Азербайджаном и Арменией. Инициатором этого требования был Е. Эшба, который 6 марта 1922 г. решением партии был избран третьим секретарем ЦК Грузии и переведен в Тифлис. Когда обострился вопрос об образовании Закавказской федерации, он примкнул к группе Буду Мдивани¹.

Дело в том, что эта группа грузинских большевиков («национал-уклонисты») во многом повторяла политику меньшевиков и выступала против предоставления автономных прав Аджарии, Южной Осетии, они были против независимой ССР Абхазии, а на II съезде Компартии Грузии в 1922 году группа Мдивани выступила с идеей экономической блокады Абхазии, если та считает себя независимой республикой... В этом плане они были единодушны со сталинским подходом.²

Позднее, на IV съезде Компартии Грузии (30 ноября – 5 декабря 1925 г.) Орджоникидзе говорил о том времени: «Тов. Эшба, который впоследствии занимал положение “грузинского патриота” против меня и других товарищей, этот самый тов. Эшба стоял за независимость Абхазии. Он убеждал, что абхазский народ не хочет находиться в составе Грузии...»

На это Эшба ответил: «Я работал в Абхазии – стоял за ее независимость, работал в Грузии – за независимость Грузии.. Тов. Орджоникидзе никак не может понять, что можно одновременно, будучи абхазцем, – поддерживать и защищать независимую республику Абхазию и независимую республику Грузию...»³.

В свою очередь Сталин и Орджоникидзе пытались «сверху» решить вопрос о формировании Закавказской федерации (и будущего СССР) в рамках пресловутого плана «автономизации», без обсуждения в ЦК КП(б) Грузии. Обсуждение проекта нового государства вылилось во взаимные оскорбления. Несогласных руководителей ЦК Орджоникидзе обвинил в сепаратизме (группа

¹ Дзидзария Г.А. Ефрем Эшба. М. 1967. С. 60–61.

² Сагария Б.Е. Национально-государственное строительство в Абхазии (1921–1931 гг.). Сухуми. 1970. С 34, 40–41.

³ Из заметок Е. Эшба – См.: Марыхуба И. Ефрем Эшба. Сухум. 1997. С. 293–295.

Махарадзе-Мдивани), назвал их «социал-националистами», за что в ответ член ЦК Акакий Кобахидзе обозвал его «сталинским ишаком», получив от Орджоникидзе удар кулаком в лицо. Весь грузинский ЦК в знак протеста принял решение подать в отставку.

Комиссия ЦК РКП(б) во главе с Ф. Дзержинским высказалась в пользу Орджоникидзе. Однако неожиданно вмешался Ленин, который осудил рукоприкладство Серго и поддержавших его Сталина и Дзержинского¹. Он был категорически против плана «автономизации» и поддержал группу Мдивани, выступая за союз равноправных советских республик. В конце концов, Сталин был вынужден отказаться от идеи «автономизации» и принял план Ленина по вопросу создания СССР...

В день отъезда внушительной делегации из Сухума в Тифлис во главе с Дзержинским, в субтропическом саду Смецкого 25 ноября 1922 г. была сделана интереснейшая групповая фотография. Долгое время было неизвестно чье лицо размыто на снимке почти в центре третьего ряда? В книжке «Наш Серго» (Сухуми. 1976) Г.А. Дзидзария опубликовал это фото с подписью «Г.К. Орджоникидзе, Ф.Э. Дзержинский, Н.А. Лакоба и др. Сухуми, ноябрь 1922 г.»

О других людях на снимке ничего не сказано, в том числе о человеке с размытым лицом.

Наконец, в Тбилиси, в 1985 г. под общей редакцией Героя Советского Союза, генерал-полковника А.Н. Инаури вышел сборник «Щит – надежный, меч – острый. (Чекисты Грузии на страже завоеваний Великого Октября)». В нем была помещена статья Ю. Бенна о пребывании Дзержинского в Абхазии и Грузии (С. 264–272) и все та же фотография с размытым лицом. Как и Дзидзария, автор упоминает лишь троих людей на снимке (С. 265). В самом же тексте статьи говорится, что делегацию во главе с Дзержинским и Орджоникидзе сопровождали Нестор Лакоба, Ваню Стурца и др. Когда подъехали к реке Ингур, автомашины с пассажирами переправили на пароме на левый берег, в Грузию. В Зугдиди, в ботаническом саду, видимо на прощание с Лакоба, была сделана еще одна групповая фотография (С. 269). На ней в самом центре Нестор сидит между Дзержинским и Ягодой. На этом миссия Нестора завершилась и он вернулся в Сухум. Остальные продолжили свой путь в Тифлис.

¹ См.: Лакоба С. Очерки политической истории Абхазии. Сухуми. 1990. С. 102.

В процессе долгого расследования коллективной фотографии, сделанной в Сухуме, в одной из частных бесед было высказано предположение, что размытое лицо человека – это возможно Алексей Иванович Рыков, на тот момент член Политбюро ЦК РКП(б).

Совершенно случайно, находясь в Москве, выяснилось, что дочь Рыкова – Наталья Алексеевна жива и здорова. В апреле 1988 г. я в первый раз оказался у нее в гостях. У меня была копия той самой фотографии, на которой Наталья Алексеевна сразу узнала себя – шестилетней, в панаме с полями, сидящей между мамой и Орджоникидзе, а человек с размытым лицом на самом деле оказался ее отцом Рыковым.

С ее помощью были идентифицированы 13 человек на этом снимке. Если смотреть слева направо, то в первом ряду (полулежит) 2-й – Ваню Стуруа, все остальные чекисты и охрана; во втором ряду (сидят): Ф. Дзержинский, Н. Лакоба, жена В. Межлаука, жена А. Рыкова, его дочь Наталья, С. Орджоникидзе, В. Межлаук; в третьем ряду (стоят): 7-я в шляпе и очках Р. Землячка, 9-й М. Поляков, 10-й А. Рыков, 12-й Г. Ягода, 13-й Ф. Сотников.

Недавно на сайте AVA было выложено не поврежденное то самое фото 1922 г., на котором запечатлен Алексей Иванович Рыков. К счастью, сохранилась моя дневниковая запись о первой встрече с дочерью Рыкова:

«Наталья Алексеевна рассказала о поездке в Абхазию в 1922 г. и прокомментировала фотографию, сделанную тогда же, в парке Смецкого... Все правила в доме устанавливал сам Дзержинский. Прекрасно помню дачу в парке Смецкого. В доме стоял пулемет «дегтярева», пулеметчиком был Савка Красноштаный (носил красные штаны). Помню, что Дзержинский, Нестор, Ягода и др. отправились на военном катере и нарвались в море на мину. Однако все обошлось. После захода солнца Ф.Э. запирали всех в доме, чтобы не подхватить малярию. Плакали шакалы. Часто ездили в горы. Однажды гостили в огромном доме, в котором обогревались и сушились у очага. Помню разлилась река и наш тяжелый семиместный «Роллс-Ройс» увяз во время переправы. К счастью, подогнали буйволов, и эти мощные, красивые животные вытащили нас на другой берег. В машине были Нестор, Ф.Э., Рыков, Ягода...»

Однажды «Роллс-Ройс» взлетел по серпантину на дачу Смецкого и едва не сорвался в обрыв. Дзержинский не растерялся и всех успокоил, а шофер получил от него нагоняй. Посещали монастырь

в Н. Афоне и даже ночевали у монахов. Машина очень пригодилась. Ее специально доставили из Москвы в Сочи на железнодорожной платформе. Потом все мы приехали на ней в Сухум, где нас радушно встречал Нестор».

Потом Наталья Алексеевна еще много раз бывала в Абхазии. Вспомнила и о пребывании с родителями в Гагре в 1933 году. Ей тогда только что исполнилось 16 лет. Во время застолья Нестор поднял за нее тост, а потом, шутя, сказал: «Наталья, тебе штрафной! Выбирай: рюмка водки или рог с вином?» Выпила водку, – мне стало жутко. Все смеялись.

Вспоминает как отец рассказывал о заседании в правительстве СССР. Пришел домой и, смеясь, поделился. Нестор был членом этого правительства и на одном из заседаний его покритиковали по какому-то хозяйственному вопросу, а тот сидел спокойно и не реагировал.

– Ну, Нестор, умный человек, в упор не слышит, если его порицают, – сказал отец.

...Возвращаясь к фотографии, сделанной более 100 лет назад, 25 ноября 1922 г., представляется весьма интересным рассказать о биографиях и судьбах тех людей, которых удалось идентифицировать. Начну по порядку.

1. Стура Иван (Вано) Федорович (1870–1931), грузинский революционный и государственный деятель, член РСДРП с 1896 г. В начале 20-х гг. XX в. – член Президиума ЦК КП(б) Грузии, председатель Всегрузинского ЦИКа (после Ф. Махарадзе). Умер своей смертью. Родной брат – Георгий Федорович Стура (1884–1956).

В 1925–1927 гг. ответственный секретарь Абхазского обкома КП(б) Грузии, в 1942–1948 гг. – Председатель Президиума Верховного Совета ГССР. Сыновья Дэви и Мэлор.

2. Держинский Феликс Эдмундович (1877–1926), советский государственный деятель, в 20-е гг. член Оргбюро ЦК РКП(б), в 1917–1923 гг. совмещал ряд должностей: председатель ВЧК, ГПУ, ВСНХ, Нарком путей сообщения РСФСР.

3. **Лакоба Нестор Аполлонович (1893–1936)**, член РСДРП с 1912 г., с 1922 по 1936 гг. возглавлял правительство Абхазской республики.

4. **Маерс-Михайлова Чарна Марковна (жена В.И. Межлаука) (1902–1941)**, секретарь Наркома легкой промышленности СССР, арестована 2 декабря 1937 г. вместе с мужем. Осуждена на 8 лет, была на Колыме, затем отозвана в Москву и 16 октября 1941 г. расстреляна вместе с женами М. Тухачевского и И. Уборевича. Похоронена в «Коммунарке» (Москва).

5. **Маршак Нина Семеновна (жена А.И. Рыкова) (1884–1938)**, до Рыкова была женой Иосифа Пятницкого (Таршис), впоследствии видного деятеля Коминтерна. Сотрудница Наркомата здравоохранения СССР. Арестована в июле 1937 г., расстреляна в августе 1938 г. Родная тетка известного драматурга Михаила Шатрова (Маршак).

6. **Рыкова-Перли Наталья Алексеевна (дочь А.И. Рыкова) (1916–2010)**, в 1939 г. осуждена как дочь «врагов народа», 18 лет провела в лагерях, там вышла замуж за ссыльного эстонца В. Перли. После реабилитации жила в Москве. Похоронена на Донском кладбище.

7. **Орджоникидзе Григорий (Серго) Константинович (1886–1937)**, революционер, организатор победы Советской власти в Закавказье и образования ЗСФСР, один из высших руководителей ВКП(б) и СССР. Осенью 1922 г. столкнулся с группой Буду Мдивани («национал-уклонисты») по вопросу о будущем Грузии («Грузинское дело»). Член Кавказского бюро ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б). Возможно покончил жизнь самоубийством.

- 8. Межлаук Валерий Иванович (1883–1938)**, латыш, член РСДРП с 1917 г., заместитель Председателя СНК СССР, Председатель Госплана СССР. В 1921–1924 гг. вместе с Ф. Дзержинским работал в Наркомате путей сообщения. Теоретик и организатор советского планирования. Арестован вместе с женой 2 декабря 1937 г. и расстрелян 29 июля 1938 г. в «Коммунарке» (Москва).

- 9. Землячка (Залкинд) Розалия Самойловна (1876–1947)**, родилась в Могилеве, в семье купца 1-й гильдии, окончила медицинский факультет Лионского университета. Организатор «красного террора» в Крыму в 1920–1921 гг. против солдат и офицеров Белой армии. Отличалась крайней жестокостью. Первая из женщин в 1921 г. удостоена высшей награды – ордена Красного Знамени. В 20-х гг. в ближайшем окружении Дзержинского. В 1939–1943 гг. под фамилией Самойлова (по мужу) являлась заместителем председателя правительства СССР. Удостоена двух орденов Ленина. Умерла своей смертью.

- 10. Поляков Михаил Харитонович (1884–1939)**, из еврейской купеческой семьи, член коллегии НКВД, в 1921 г. председатель Крымского ревкома. Работал в наркоматах финансов и коммунального хозяйства РСФСР, Госплане, ВСНХ. Арестован в 1938 г., расстрелян в 1939 г. в «Коммунарке» (Москва).

- 11. Рыков Алексей Иванович (1881–1938)**, русский, член партии с 1898 г. В 1917 г. первый нарком внутренних дел РСФСР, был председателем ВСНХ. В 1922–1930 гг. член Политбюро ЦК ВКП(б). После смерти Ленина возглавлял правительство СССР (1924–1930). Арестован 27 февраля 1937 г., а 15 марта 1938 г. расстрелян в «Коммунарке». Репрессиям подверглись жена и дочь.

12. Ягода Генрих Григорьевич (1891–1938), близкий родственник Якова Свердловца. Чекист (ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД). В 1920–1923 гг. член президиума ВЧК, член коллегии ГПУ. В 1934–1936 гг. во главе НКВД СССР, «генеральный комиссар госбезопасности». В 1937 г. обвинен в связях с Троцким, Бухариным, Рыковым. В 1938 г. расстрелян. Жена Ида Авербах (сестра литературного критика Л. Авербаха) арестована и расстреляна в 1938 г.

13. Сотников Фердинанд Иванович (1882–1937), латыш, с 1918 г. в органах ВЧК-ОГПУ-НКВД, в период пребывания в Абхазии и Грузии в 1922 г. адъютант и начальник личной охраны Дзержинского. В 1927 г. награжден орденом Красного Знамени. До ареста проживал в Кремле, занимался охраной вождей и совмещал эту деятельность с расстрелами «врагов народа» под руководством генерала В.М. Блохина (1885–1955), которым и сам был расстрелян 14 августа 1937 г.

По облику чекистов на фотографии 1922 г. можно прийти к выводу, что в отношении Грузии проводилась серьезная операция, целью которой был разгром в Тифлисе группы Махарадзе-Мдивани («национал-уклонисты»), в чем были особо заинтересованы Сталин и Орджоникидзе. Ясно, что деятели с такими богатыми биографиями (Дзержинский, Ягода, Землячка, Сотников и многие другие чекисты, которые пока не установлены) просто так не отдыхают и не путешествуют. Данная акция носила не мирный, дипломатический характер, а скорее напоминала силовое воздействие, направленное на противников Сталина и его плана «автонормализации». Таким образом, с группой Махарадзе-Мдивани скоро было покончено, а в связи с болезнью Ленина, они лишились и его поддержки.

Не могли простить слов «сталинский ишак» и тогдашнему члену ЦК КП(б) Грузии Акакию Кобахидзе (1889–1937), члену партии

с 1904 г. Он был арестован в Тбилиси 22 декабря 1936 г. и расстрелян 25 июня 1937 г.

Мало кто знает и то, что сотворили с Мдивани Поликарпом (Буду) Гургеновичем (1877–1937) и его семьей. Эти политические убийства произошли при Берия, который был первым секретарем ЦК Грузии. Буду Мдивани был видным государственным деятелем, членом РСДРП с 1903 г., председателем Ревкома Грузии, затем – Союзного Совета ЗСФСР и главой правительства Грузии. В 1924 г. он был удален из республики, затем смещен со всех постов, сослан на 3 года в Сибирь, находился в заключении и, наконец, в 1936 г. арестован как «троцкист» и 10 июля 1937 г. расстрелян.

Однако кровавый список продолжился. В 1937 г. вслед за ним расстреляли жену Цуцуню Мдивани, затем четверых сыновей – экономиста Георгия Мдивани (1903–1937), инженеров Ивана (1905–1937) и Давида (1909–1937), мастера спорта СССР по теннису Арчила Мдивани (1911–1937).

Не остановились и на этом. Последней была арестована дочь – Мери Мдивани (1911–1939), расстрелянная в лагере.

У Буду Мдивани был еще один, самый старший сын, Шалва, погибший в 1933 г. будучи летчиком-испытателем.

Вот такие мрачные факты и людские судьбы высветила вполне себе радостная сухумская фотография большой группы «отдыхающих» далекого 1922 года.

P.S. После моего первого визита к дочери А.И. Рыкова в апреле 1988 г. прошло много лет, и, если бы не сохранившаяся моя запись об этой встрече, то многие люди на той фотографии, так и остались бы неизвестными. Во второй раз Наталью Алексеевну мы посетили вместе с молодым языковедом Славой Чирикба 10 ноября 1988 г. Неожиданно выяснилось, что у него осталась дневниковая запись об этой встрече в Москве со многими важными подробностями. Привожу ее текст.

В.А. Чирикба

ВИЗИТ К Н.А. РЫКОВОЙ

Дневниковая запись 10.11.88.

Два дня назад был со Славой Лакоба у дочери Рыкова. Слава хотел нанести ей визит, чтобы отдать фотографию, сделанную в Сухуме в двадцатых годах (1922) – Орджоникидзе, Рыков, кто-то ещё, и она, Наталья Алексеевна Рыкова, в панамке, девочка лет шести. Видимо, на негативе голову Рыкова соскребли – на снимке – белое пятно. Очень миниатюрный Лакоба. Пальмы.

Открыла дверь пожилая, очень живая женщина, приветливо встретила, правда, отметила, что не совсем здорова. Квартирка однокомнатная, обставлена просто, на стенах акварели, гравюры. Над диваном – акварель берёзы, очень красивая. Выяснилось, что это работа сына Бухарина. Он [художник] сказал ей, что акварель несколько выцвела, но стала лучше смотреться.

Очень хорошо отзывалась о Лакоба, говорила о том, какая красавица была Сария. Пили чай, она поставила хороший коньяк, выпили немного. Её отрывали часто звонки – поздравляли с праздником 7 ноября. Звонила Нюся – жена Бухарина, плакала, кто-то ещё.

Слава рассказал, что статья о Лакоба в «Огоньке» никак не выходит. Да, сказала она, у этого журнала какие-то симпатии. Очень много публикаций о Бухарине, а статью о Рыкове 2–3 месяца держали, и автор вынужден был забрать обратно («историк, очень почтенный»).

Показала папку с газетными и журнальными публикациями об отце за последнее время. Чувствовалось, что она обижена тем, что нет полного признания роли её отца. Думаю, она это сравнивала с отношением в прессе и официозе к Бухарину.

Смотрю на шкаф книжный, там фото в рамке – Ленин сидит, Рыков стоит. На стене – большое фото отца. Она очень похожа на отца – овал (продолговатый) лица, нос, разрез глаз. Речь живая, интеллигентная. Каждый раз, когда отходит к телефону, объясняет: «что делать, что делать, праздник!».

Я спрашиваю: «Вы видели Сталина?». – «Кобу? Кобу я хорошо помню. Я и Ленина помню». Слава: «Скажите, чувствовалось, что

он [Сталин] неискренен?». Она: «Да, думаю, чувствовалось. Общение с ним не было приятным. Отец к нему относился сдержанно. Помню, мама рассказывала, что отец говорил: «Сталин предлагал мне вдвоём управлять Россией. Но он не пошёл на это. Позже он самоустранился от работы в ЦК, перестал посещать заседания. Мама ему говорила: «Зачем ты это делаешь? Ты ведь перестал участвовать в политической жизни!»».

– «А зачем я должен посещать эти заседания? Там решаются не хозяйственные или политические вопросы, там нужно бить себя кулаком в грудь и клясться в верности к Сталину!».

«Только один раз папа позволил себе славословие в честь Сталина, на семнадцатом съезде, наступил на собственное горло».

Я не выдержал: «Как же этот демон смог всех так скрутить?». Она не ответила.

Рассказала, как с ней высокомерно разговаривал чиновник из Комитета партийного контроля. Как разозлился на какое-то ее слово.

Слава спросил: «Наталья Алексеевна, а с вами встречались члены ЦК, были какие-то беседы?».

– «Слава, не будьте наивным. Не то, что в ЦК, в райкоме со мной не хотели разговаривать». Ее вызвали в райком для выдачи бумаги о реабилитации отца. «Я туда пришла. Ко мне там отнесли ... , не то, чтобы говорили какие-то плохие слова, нет, все было вежливо, очень сдержанно, чувствовалось, что ко мне относятся как к дочери врага народа».

Позвонили. Она стала расспрашивать, кто звонит, а потом:

– «Фу ты, ну-ты, Мишутка! Я тебя и не узнала!».

Приняла поздравления. Сказала: «Миша, у меня сидит родственник Нестора Лакоба, ты знаешь его? [Нестора]. Да, да. Что-то материал о нем долго не помещают в “Огоньке”. Да, если можешь.».

Возвращается к столу – «Это Миша Шатров». Мы удивлены. – «Он мой двоюродный брат. Я ему сказала о Несторе. Он говорит: «Конечно, хорошо знаю!»».

Н.А. говорит: «Я никогда не плакала, все то время [она сидела около 20 лет], но сейчас часто плачу.».

Благодарим, уходим, тепло прощается.

Ю.Д. Анчабадзе

КУЛЬТ САРИИ ЛАКОБА В ОБЩЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОЙ АБХАЗИИ

В последнее время в Абхазии сделалось необыкновенно популярным имя Сарии Ахметовны Лакоба – жены первого руководителя советской Абхазии Н.А. Лакоба. Ее жизнь и трагическая судьба стали знаковыми элементами общественного сознания и исторической памяти, а жизненный нарратив – предметом истинного преклонения.

С.А. Лакоба (урожденная Джих-оглы) родилась в 1904 г. в Батуме. Семья была отнюдь не пролетарской, а весьма состоятельной, так что детство Сарии было вполне благополучным. Знакомство с будущим мужем произошло в 1920 г. в Батуми, в 1921 г. Нестор и Сария поженились.

Переехав в Абхазию, Сария оказалась в прослойке абхазской политической элиты большевистского руководства республики, а после того, как Н. Лакоба сосредоточил в своих руках все нити власти, Сария стала и «первой леди» Абхазии. Впрочем, она не вмешивалась в политику, не пыталась играть какую-нибудь общественную роль, исполняя только обязанности жены, матери, хранительницы семейного очага. В то же время статус первой леди давал о себе знать. Сария принимала участие в разного рода неофициальных мероприятиях, которые сопровождали пребывание в Абхазии видных деятелей советского режима, поэтому ей довелось близко общаться с И.В. Сталиным, Л.П. Берия, М.И. Калининым и др. большевистскими бонзами.

В декабре 1936 г. Н. Лакоба скоропостижно скончался в Тбилиси после ужина в доме Л. П. Берия. Молва сразу стала муссировать слух о насильственной смерти вождя Абхазии, наиболее популярной была версия отравления.

Между тем, в Сухуме состоялись пышные и торжественные похороны Н. Лакоба. Но в скором времени он был объявлен врагом народа. Многие родственники были подвергнуты репрессиям, в том числе несовершеннолетний сын Рауф, а также Сария,

которая была арестована и этапирована в Тбилиси. Там она была подвергнута чудовищным пыткам, которые героически выдерживала. Слух о героическом поведении Сарии уже в те годы просочился сквозь толстые стены НКВД: палачи не вырвали у нее ни оговора мужа, ни подписи под компрометирующим его документами, ни признания в собственных преступлениях. Пытки подорвали здоровье молодой женщины. По справке НКВД, С. Лакоба умерла 16 мая 1939 г. в тюремной больнице.

С первой же волной реабилитации Н. Лакоба и Сария были оправданы. Нестор Лакоба занял свое место в пантеоне советских героев, борцов за советскую власть и выдающихся деятелей советского государства. Сария в первое время не получила столь же широкой пропагандистской поддержки, но вокруг нее и истории ее жизни постепенно стал складываться некий литературно-мифологический образ, в который внесли вклад как русские писатели (С.И. Липкин с его поэмой «Нестор и Сария»), так и абхазские (Ф.А. Искандер, Д.К. Чачхалия и др.). Важное значение имела публикация мемуаров А. Аббас-оглы «Не могу забыть».

Входившая в узкий семейный круг семьи Лакоба автор воссоздала яркий, положительный и очень привлекательный образ замечательной женщины, который сразу вписался в стихийно конструируемый житийный нарратив.

Имя Сарии начало приобретать все большую известность в Абхазии и в последнее время получило черты культового почитания. Абхазские соцсети полны восторженных постов, авторы которых объявляют Сарию величайшей женщиной в абхазской истории, примером для подражания и вечным символом женственности, жертвенности и верности. Имя Сария очень популярно, им все чаще называют рождающихся девочек. Проводятся собрания, посвященные памяти Сарии. Очень популярна идея установления памятника этой героической женщине, о чем как об одной из своих главных целей объявил общественный Фонд им. Сарии Лакоба. Одной из последних памятных акций стала премьера в феврале 2022 г. в Абхазском драматическом театре спектакля «Сария» (постановка Мадины Аргун по пьесе кабардинского автора Зарины Кануковой).

Культ Сарии Лакоба приобретает в Абхазии общенациональные черты, однако очевиден его гендерный генезис. Суще-

ствовавший до этого пантеон национальных героев был населен исключительно мужчинами. Сария потеснила этот патриархальный ряд, утверждая в нем новый образ и связанные с ним идеологические коннотации. При этом важно, что образ новой героини идеально совпадает со сложившимся в абхазском социуме традиционным восприятием женщины – верной жены, любящей матери, хранительницы домашнего очага. Семейный союз Нестора и Сарии признается идеальным. «Про жизнь Нестора и Сарии, – пишет пользователь фейсбука, – должен знать каждый. Не только как часть истории Абхазии, но и как историю настоящей любви. Любви, которая включает в себя все: глубочайшее уважение, верность. Такую верность, которую мало кто встречал. Несмотря на ужасную судьбу, они все-таки были счастливыми людьми, потому что они были друг у друга. Ни на секунду никто из них не сомневался в преданности другого».

При этом образы Сарии и Нестора готовы воспринимать как субститут распространившимся в последнее время новомодным календарным датам, ставшим для многих символами любви, влюбленности, любовных чувств и переживаний, в частности 14 февраля. Абхазские блогеры весьма критически относятся к тому, что «мы отмечаем какие-то сомнительные праздники “любви”», вдобавок даже не зная, существовал ли на самом деле мифический св. Валентин. Между тем, у абхазов есть свой пример беззаветной преданности и любви. При этом образ Сарии принимает сакральные черты как покровительница брачующихся: «Каждая молодая пара, вступающая в брак, должна просить благословения на настоящую любовь у Сарии. Девочки Абхазии, носящие ее имя, вы носите имя великой женщины».

В то же время применительно к Сарии все чаще используют понятие афырпхезба, т.е. герой-женщина (абх. афырпхэызба).

В жизни и судьбе Сарии Лакоба усматривают черты героического поведения. Будучи подвергнутой пыткам и истязаниями во время допросов в застенках НКВД, она не сломалась, выдержала боль и унижения и ушла из жизни, не отрекшись от мужа, не предав любимого человека, не пойдя на стговор с силами зла ради облегчения своей участи. Этот пример стойкости не всегда был

доступен и мужчинам, поэтому Сария приобрела черты мифологического героя – женщины-героя.

В этом аспекте также есть гендерная интенция. В настоящее время женщины Абхазии активно осмысливают свою социальную роль на новейшем этапе истории страны. Значительным и наиболее трагическим событием этого периода стала грузино-абхазская война 1992–1993 гг., в которой женщины приняли действенное участие: многие воевали в составе военных подразделений, служили медсестрами, военными журналистами, самоотверженно работали на разных участках в тылу и на фронте. В летопись войны вписано много женских имен. В настоящее время вклад женщин в общую победу общепризнан, а женщины-фронтовички представляют в современной Абхазии достаточно заметную общественную силу.

Эти реалии породили стремление символизировать роль женщин в истории страны путем введения соответствующего персонажа в пантеон национальных героев. Образ Сарии Лакоба – героя и жертвы – идеально подходит на эту роль.

Прошлое, память, нарратив: гендерное измерение повседневности. Материалы XV Международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, Пенза, 29 сент. – 2 окт. 2022 г. / отв. ред. Н.Л. Пушкарева, сост. А.И. Громова, А.В. Жидченко: в 2 ч. М.: ИЭА РАН, 2022. Ч. 2. С. 434–437.

Станислав Лакоба

ГИБЕЛЬ САРИИ: КАК ЭТО БЫЛО...

(Тайна за семью печатями)

Первый секретарь ЦК КП(б) Грузинской ССР Лаврентий Берия 20 июля 1937 г. обратился к Сталину с подробной запиской (№ 1716/с), в которой, в частности, утверждал, что контрреволюционная (к.р.) работа была «широко развернута в Абхазии под непосредственным руководством Н. Лакоба». В конце представленного документа Берия сообщал, что ждет указаний Сталина по всем затронутым вопросам, в том числе и по дальнейшей судьбе семьи Лакоба. *«Считаю необходимым также арестовать и после следствия выслать за пределы Закавказья жену и мать Н. Лакоба, которые тесно были связаны с группой ныне арестованных членов к.р. группы Н. Лакоба и ведут себя очень подозрительно»*¹.

В ответ пришла секретная шифрограмма Сталина на имя Берия: *«Получена Ваша докладная записка. Доклад одобрен. Показательные суды по делам Лакобы и Зекерия Лордкипанидзе нужно устроить. Провести их нужно с оговорками изложенными в Вашей записке. Не возражаем против созыва расширенного пленума ЦК КП Грузии и подробного доклада на нем о вредителях, врагах народа. НР. 28/с-1240/ш. 13.VIII.1937 г., 15 ч.15 м. Сталин. Верно. Сухова»*².

Благодаря этим находкам можно с уверенностью, документально утверждать, что к гибели Н. Лакоба и его семьи имели самое прямое отношение Сталин и Берия. Стали готовиться показательные процессы над «врагами народа» в Тбилиси, Абхазии и Аджарии. Буквально через 10 дней после сталинского ответа в один день, 23 августа 1937 г., были арестованы мать Нестора Лакоба (Шахусна Джергеня) и его жена Сария (ордер на их арест был подписан наркомом внутренних дел Абхазской АССР Г. Пачулия 21.08.1937 г.).

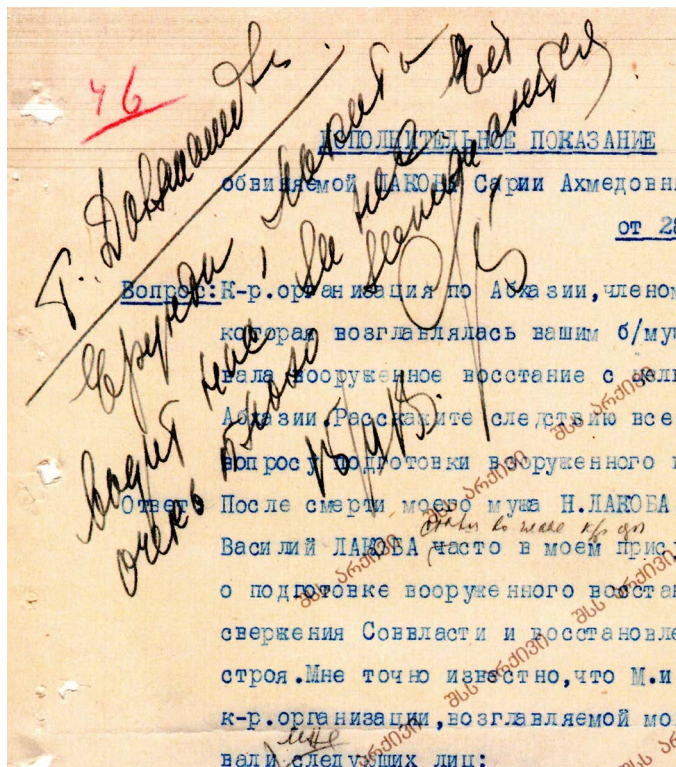
¹ АП РФ. Ф. 3. ОП. 24. Д. 315. Л. 24–42; См.: Большой террор в Абхазии (Абхазская АССР): 1937–1938. Т. 2. Совет Европы. 2017. С. 10–13, 208.

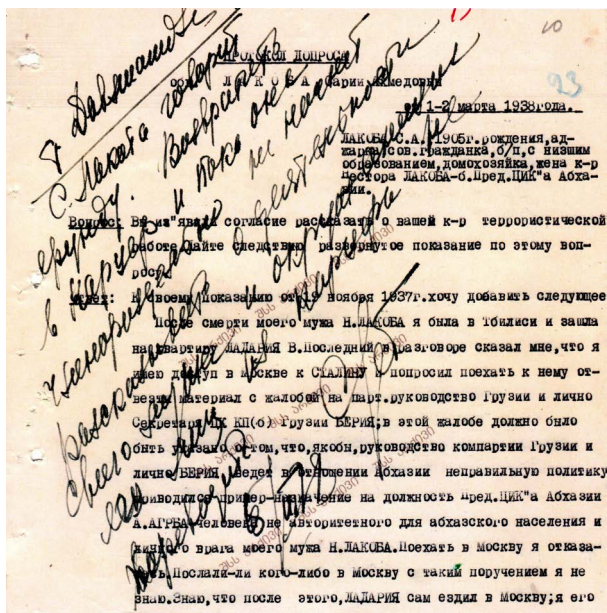
² См.: Марыхуба И. Московские архивные документы об Абхазии XX века. Сухум. 2008. С. 25–26.

В 1989 г. будучи депутатом Верховного Совета СССР В.Г. Ардзинба получил доступ к архивным сведениям по делу Сарии. Московские материалы нашли подтверждение и в тбилисском архиве (они охватывают периоды: 1937–1939 и 1954–1955 гг.).

На основе выписок и некоторых копий документов складывается четкая картина нечеловеческих пыток и истязаний, которые стойко и с достоинством переносила жена Нестора.

Из этих дел становятся известными многие подробности. Так, постановление об избрании меры пресечения Сарии Ахметовны Лакоба (1904–1939) было объявлено лишь 29 августа 1937 г., а первый допрос произведен только спустя 3 месяца после ареста. На протоколе допроса от 28 января 1938 г. непосредственному следователю наркомом ВД Грузии дается прямое указание: «Тов. Давлианидзе. Ерунда, Лакоба водит нас за нос. Ею очень плохо занимают-ся. 15.02.38 г. С. Гоглидзе».

На обнаруженном в архиве первом экземпляре протокола допроса от 1–2 марта 1938 г. С. Гоглидзе вновь обращается в следственную часть: «Т. Давлианидзе. С. Лакоба говорит ерунду. Возвратить в карцер и пока она членораздельно не начнет рассказывать о деятельности своего мужа и окружающих его лиц из карцера не переводить. 5.03.38 г. С. Гоглидзе».

Из личного тюремного дела Сария Лакоба следует, что у нее сын Рауф 15-ти лет, 5 братьев, сестра и мать Мелек Патландзия. В процессе расследования она вызывалась на многочисленные допросы, которые продолжались по несколько суток (не все из них зафиксированы) и подвергалась многочасовым пыткам и избиениям. В 1937-м она допрашивалась 14 раз, в 1938-м – 2 раза и в 1939-м – 2 раза.

Установлено, что Сария умерла 16 мая 1939 г. не от туберкулеза легких, как указано в справке, приобщенной к личному делу, а от телесных повреждений, полученных во время пыток (полковник юстиции В. Борисоглебской. 30.08.1955).

Допрошенные свидетели Васина Мария, Цатурова-Агабабова Анаида, Орджоникидзе Антонина, Киларджишвили Анна, Абашидзе Екатерина, Федорова Елена показали, что Сария Лакоба содер-

жалась в тюрьме НКВД г. Тбилиси, во время допросов подвергалась систематическим истязаниям и избиениям, вследствие чего не выдержав этих пыток скончалась в тюрьме (военный прокурор, подполковник Мацкевич, 28.12.1954).

С 1937 по 1939 г. Сария проходила по следственному делу № 16576 и обвинялась по 58-й политической статье (контрреволюционная деятельность, терроризм с целью убийства Сталина и Берия и др.). Она отказалась подписывать постановление от 19 января 1939 г. о предъявленном ей обвинении, а на последнем допросе от 2 февраля 1939 г. отказалась от всех обвинений и не подтвердила их. Вот один из ее ответов в пыточной: *«Нет, не подтверждаю, указанных лиц я называла не как участников контрреволюционной организации, а просто как лиц, которые были мне известны, что они приходили домой к моему мужу. Были ли они члены контрреволюционной организации или нет — мне неизвестно»*. В конце протокола от 2 февраля 1939 г. есть запись: *«Следствие дополнить ничем не желаю и прошу ускорить разбор моего дела и снять обвинение по ст.58-8 УК Груз. ССР, иначе я объявлю смертельную голодовку»*.

Спустя несколько месяцев, Сария умерла в Ортачальской тюремной больнице в Тбилиси 16 мая 1939 г. Дело № 16576 завершает протокол № 00307, в котором говорится, что заседание Военного трибунала ЗАКВО в Тбилиси от 21 мая 1939 г. постановило: дело по обвинению Лакоба Сарии Ахметовны производством прекратить за смертью обвиняемой.

Легендарная Сария ушла из жизни в возрасте 35-ти лет...

Архимандрит Дорофей (Дбар)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ АБХАЗИИ: ВАНДАЛИЗМ И ЧУДО

Сокращенная версия данной статьи была представлена в качестве доклада и под названием «Копии 64 архивных документов 1887–1923 гг. из ЦГА Абхазской АССР, обнаруженных в Греции» на Международной конференции «Архив как атрибут государственности», приуроченной к 90-летию со дня образования Государственного архивного управления Республики Абхазия. Конференция состоялась 13 ноября 2019 г. в конференц-зале Национальной библиотеки Республики Абхазия им. И. Папаскир в Сухуме.

В первые же дни своего пребывания в Греции (шел 2007 г.) я познакомился с семьей Агрба-Филиппаки: Ариадной Илларионовной и ее сыном Зурабом. Ариадна Илларионовна по образованию историк-архивист. Окончила одновременно с проф. Л. Г. Хрушковой Московский государственный историко-архивный институт. С 1984 по 1991 гг. возглавляла Сухумскую музыкальную школу № 5. Зураб учился на Богословском факультете Аристотелевского университета в г. Фессалоники (Салоники).

Заметив мой интерес к историческим материалам, семья Агрба-Филиппаки показала мне несколько папок с документами, оставшихся от супруга и отца семейства — Заура Агрба. Он работал в свое время старшим научным сотрудником, а затем и директором Центрального государственного архива Абхазской АССР. Содержимое папок меня потрясло! Это были машинописные копии некоторых церковных документов Сухумской епархии, хранившиеся в ЦГА Абхазской АССР. Копии были сделаны в апреле 1965 г.

Судя по рукописной пометке на одной из папок, часть этих документов должна была быть опубликована в каком-то сборнике. Если исходить из содержания архивных документов (жалобы, аморальные поступки священнослужителей и монашествующих, контрреволюционная деятельность и т. д.), копии которых были сделаны Зауром Агрба, то очевидно, что они могли быть подобра-

ны исключительно для сборника, отвечающего задачам советской антирелигиозной пропаганды.

Ниже предлагаю перечень обнаруженных документов (их общее число — 64, временные рамки — с 1887 по 1923 гг.) с их исходными данными и кратким изложением содержания наиболее интересных из них. Распределение документов по нижеуказанным группам сделано автором статьи. Нам важно было сохранить особенности написания в оригинале, поэтому возможны некоторые разночтения в названиях.

II. Архивные документы Ново-Афонского монастыря

Осн. ф. 1, д. 39, л. 10. Удостоверение, выданное Предревкомом Абхазии заведующему инструктору совхоза «Новый Афон» профессору Фальборку от 18 июня 1921 г.

В нем в частности говорится: «Никто, даже государственные учреждения, воинские части, не имеют права без письменного разрешения заведующего инструктора проф. Фальборка брать и увозить из совхоза Нового Афона какое-либо имущество и продукты. В мастерских совхоза Нового Афона никакая работа не может быть производима никем, даже государственными учреждениями и воинскими частями, без письменного на каждый раз разрешения <...> проф. Фальборка. <...> Военные и гражданские учреждения оказывают заведующему инструктору совхоза «Новый Афон» проф. Фальборку полное содействие.

Осн. ф. 38, д. 39, л. 29–30. Акт обследования и летучей ревизии советского имения, ранее бывшего Ново-Афонского монастыря, произведенных старшим инспектором Наркома РКИ Абхазии М. Ворониным 14 августа 1921 г.

Ревизия была проведена в присутствии заведующего Совхозом Новый Афон профессора Фальборка, помощника инспектора Наркома РКИ Фоменко и члена коллегии Наркомзема Абхазии Селиванова.

«В противоположность тому, — писал Воронин, — что при обследовании вообще советских имений везде и всюду приходилось наталкиваться на полный беспорядок и бесхозяйственность и систематическую гибель советских имений, в Абхазии в Ново-Афонском советском имении наблюдается за последнее время систематическое поднятие производительности и в дальнейшем принимаются всякого рода мероприятия, не только граничащие к

поддерживанию соответствующего порядка на одном уровне, но и к дальнейшему развитию и процветанию Ново-Афонского имения <...>. Вольнонаемных рабочих при имении находится всего лишь до 40 человек, служащих — до 10 человек, все же работы производятся большей частью исключительно монахами бывшего Ново-Афонского монастыря, которых в настоящее время при монастыре до 350 человек, и во главе всех предприятий Ново-Афонского имения стоят и работают также монахи».

Христианская Абхазия. 2012, № 10–12 (66–68).

ФОТОАРХИВ

Фото похорон Степана Капба, убитого 5 августа 1921 г.; село Арасадзых. Его именем названа школа. (Фото из личного архива Астамура Кварчия)

Степан Капба, близкий родственник Салумана Бгажба, героя народной песни, в 1921 году, после установления Советской власти в Абхазии, работал начальником отдела Кодорского уездного ревкома.

Комментарий Ирины Адлейба:

На фото похороны Степана Капба – родного брата моей бабушки Капба Зинаиды Екуповны. В семье было пять сыновей и шесть дочерей. Степан Капба был известен в Абхазии. Воевал против грузинских меньшевиков. В тот роковой день на собрании в селе Гуп призывал прекратить грабежи и разбой, сложить оружие и вернуться к мирной жизни. В результате спора между двумя представителями фамилии Маршан, при попытке предотвратить убийство, был убит. Убийца бежал, однако, через какое-то время родственники Степана Капба и сотрудники госорганов полностью уничтожили эту разбойную банду.

В свое время, один из братьев Степана, Дзадз, помог Кобе Джугашвили (будущему Сталину), через Гал переправиться в Зугдиди, после известного ограбления парохода. Сам Степан принимал участие вместе со Сталиным в сентябре 1906 г. в налете на пароход «Цесаревич Георгий» у мыса Кодор. Во время экспроприации взяли почтовую кассу (от 20 тысяч до полумиллиона рублей)¹.

[Родченко, А.] Открытка «Сухум. Пристань. № 20» / фото А. Родченко. – М.: Изогиз, 1933.

Александр Михайлович Родченко (1891–1956) – фотограф, художник театра и кино, график. Один из основоположников конструктивизма, родоначальник дизайна и рекламы в СССР.

¹ См.: Лакоба С.З. Боевики Абхазии в революции 1905–1907 годов. Сухум, 1984. С. 69.

**ПО СЛЕДАМ АБНО:
Г. Фальборк, Г. Барач, М. Иващенко, А. Лукин**

Нестор Лакоба о профессоре Фальборке

Фальборк Генрих Адольфович (1864–1942) – выдающийся российский статистик, педагог, переводчик, публицист. В 1922–1923 гг. организатор и первый председатель Абхазского научного общества (АБНО), в 1924–1929 гг. председатель Госплана Абхазии и член ЭКОСО при Совнаркоме ССР Абхазия.

*(См.: АБНО и его разгром (1922–1931). Сухум. 2021. С. 7–13;
Гогия К. Генрих Фальборк и статистика Абхазии // Республика Абхазия. 2023. 26 января).*

Из доклада Н. Лакоба на III съезде Советов Абхазии 28–29 марта 1925 г.

(Съезд имел историческое значение – на нем была принята первая Конституция ССР Абхазии)

<...> Я хочу, товарищи, остановиться на двух наших органах – это Госплан и ЦСУ... В целом работа Госплана, за время его существования, выразилась в том, что он уже разработал вопросы сельского хозяйства, составил пятилетний ориентировочный план восстановления и развития сельского хозяйства, кроме того действие Госплана заключалось в обследовании вопросов нашей промышленности и т.д. Работа Госплана заключается еще в том, что он дает заключения по различным текущим вопросам нашего хозяйства, прорабатывает их и затем вносит эти вопросы в ЭКОСО и Совнарком. Роль и значение Госплана вполне достаточно определились и мы уже привыкли ценить возглавляющего Госплан профессора Фальборка. Я думаю, что мы не должны умолчать перед съездом о деятельности профессора, который не покладая рук работает на пользу трудящихся Абхазии...

(См.: Лакоба Н.А. Статьи и речи. Сухуми. 1987. С. 165).

Барач Герман Павлович (1879–1961) – ихтиолог. С 1921 г. директор педагогического техникума в Сухуме, с 1923 по 1931 гг. был председателем АБНО и директором Абгосмузея. Летом 1931 г. арестован ГПУ Грузии и заключен в Метехскую тюрьму в Тифлисе. С

ноября 1931 г. жил и работал в Тифлисе в НИИ Закавказзоведения в секции зоологии.

(См.: АБНО и его разгром (1922–1931). Сухум. 2021. С. 284).

Тов. Мамулия [С.С. Мамулия, 1-й секретарь ЦК Грузии]

Гр. Марии Сергеевны БАРАЧ

ЗАЯВЛЕНИЕ

В ночь на 23 мая с.г. у мужа моего Германа Павловича Барача был по распоряжению ГПУ произведен обыск и с этого дня он лишен свободы.

Утверждая, что за мужем моим нет никакой вины, что он всё время был честным работником на фронте культурной революции, в частности, активным участником культурного строительства АССР Абхазии, я позволю себе беспокоить Вас просьбой ознакомиться с нижеизлагаемыми мной данными и его служебной и общественной деятельностью.

1. Еще в бытность свою студентом Московского Университета муж мой два раза (в 1899 и 1902 гг.) подвергался преследованию за участие в студенческом движении (арест, высылка под надзор полиции и т.п.).

2. С 1903 г. начинается его педагогическая деятельность, а равно и общественная в г. Азове. Здесь он организует вместе с группой педагогов литературный и научно-педагогический кружок при Азовских средне-учебных заведениях, задачи которого, указанные в §1 Устава ярко характеризуют общественно-политические взгляды его учредителей. Будучи во главе основанной по его инициативе Азовской группы Всероссийского Учительского Союза, он принимает участие в 2-х съездах Союза, из которых один (нелегальный) происходит в Финляндии, на Иматре, другой в Петербурге. Участие в первом, открытое выступление на нем с протестом против действий учебного начальства (репрессий по отношению к педагогам и учащимся в связи с ученическим движением 1905г.) повлекли за собой увольнение его в феврале 1906 г. со службы. Место его Союзом было объявлено под бойкотом. Лишь по прошествии 9 ме-

сяцев муж мой вновь получает службу, но уже в Закавказье, где и работает все остальное время.

3. 1906/7 и 1907/8 уч. годы – преподавателем Хонской Учительской Семинарии, где он пользуется исключительным уважением и любовью учащейся молодежи: 1908/9 и 1909/10 уч. годы преподавателем 1-й Мужской Гимназии в Тифлисе, с 1910 г. по 1917 г. – преподавателем Тифл. Учительского Института и одновременно лектором Тифл. Высших Женских Курсов, по преобразованию которых в Закавказский Университет в 1918 г. Г.П. избирается приват-доцентом на кафедре зоологии. Кроме того, Г.П. работает на Женских фельдшерских курсах и в Обществе внешкольного образования. После революции 1917 г. учащимися Тифл. Учительского Института избирается на должность директора и одновременно общественной организацией (Родительским Кружком), избирается Председателем Педагогического Совета «Первой Народной Гимназии» (школы, созданной революцией), руководимой с-д большевиком А. Соловьяном и Председателем Женской Педагогической Гимназии Пащенко и Тихомировой (45 советская единая труд, школа в 1920/21 г.), в которой он работает до 1921 года.

В 1921 г. в результате настойчивых приглашений (они начаты были еще в 1917 г.) со стороны тт. Чочуа и С.Я. Чанба, переезжает из Тифлиса в Сухум, где и ведет педагогическую и научную работу.

В качестве директора учебного заведения Г.П. реорганизует бывшую учительскую Семинарию в современную школу – Педагогический Техникум (Пед-Институт) и разрабатывает план дальнейшей реорганизации – создания ВУЗа для подготовки на месте высококвалифицированных культурных работников Абхазии. В то время Г.П. несет и большую работу вообще по линии Наркомпроса (в Метод. Совете, в комиссии по охране памятников природы, старины и искусства Абхазии и пр.).

В 1928 г. Г.П. избирается членом секции научных работников (СНР) Грузии.

В том же 1928 году Г.П. перемещается на должность директора Гос. Музея Абхазии.

Каждый объективный свидетель роста этого научного учреждения не может не признать, что невзирая на ряд трудностей, бла-

годаря лишь громадной затрате энергии, сил со стороны Г.П., его почти единоличным трудом за столь короткий срок из небольшого Музея, находящегося при Абхазском Научном Обществе (в этом обществе Г.П. вел также научную работу и с 1923 года по 1926-27 гг. был избираем председателем), он создал Гос. Музей, имеющий громадное культурное и научное значение для Абхазии.

В процессе работы в Музее Г.П. продолжает, начатую им почти в первых дней пребывания в Сухуме, большую работу по изучению богатого, но мало исследованного научного края. В результате этой работы, отнявшей массу времени и сил, а также требовавшей часто и материальных затрат (например, на производство фотографических снимков, зарисовок, чертежей и пр.), в настоящий момент готов к печати солидный труд «География Абхазии». Какова ценность этого труда, об этом говорит отзыв о нем, данный Гос. Соц-Эконом. Издательством (Отд. Редсектора) РСФСР от 18/III-с.г.

Все изложенное мною может быть подтверждено и рядом документов. Все эти данные ясно говорят о характере научно-педагогической деятельности мужа моего на протяжении более 25 лет.

Поэтому я и обращаюсь к Вам с просьбой, чтобы Вы, зная лично моего мужа и его работу в Грузии и Абхазии и, ознакомившись с здесь изложенным, оказали зависящее от Вас содействие к возвращению моему мужу свободы и тем самым реабилитации его.

4/VIII-31 г. подпись Мария Барач

г. Сухум

Копия

*Источник: Дурипшский сход: [сборник документов] /
Директор проекта А. Капелло. Council of Europe, 2019. С.
352–353.*

Иващенко Михаил Михайлович (1881–1946) – археолог-кавказовед. В 1924–1931 гг. один из учредителей Абхазского научного общества (АбНО) и его ученый секретарь. Вел раскопки дольменов в с. Эшера, занимался исследованием колхидской культуры. В 1935–1936 гг. проводил раскопки раннеантичного поселения в районе Очамчирском порта. Обследовал Великую Абхазскую (Келасур-

скую) стену, связывая ее со временем византийского императора Юстиниана I (6 в.). В 1931 г. вместе с Германом Барачом, председателем АбНО, был арестован, осужден на 3 года по политической статье и заключен в Метехский замок (Тифлис) по личному постановлению Л. Берия. В течение ряда лет ему запрещалось посещать Абхазию. В Тифлисе долго не мог найти работу по специальности археолога, очень нуждался, перебиваясь случайными заработками. В связи с тяжелым положением обратился за помощью к Н. Лакоба, которого хорошо знал еще по работе в АбНО.

(См.: Абхазский биографический словарь. М. 2015. С. 347–348; АбНО и его разгром (1922–1931). Сухум. 2021. С. 7–34).

11 января 1934 г.

Уважаемый Нестор Аполлонович!

За последние два года напечатаны 3 моих статьи об абхазских древностях. Одна в Ленинграде в «Изв. Гос. Академии Ист. Мат. Культуры» и две за границей в одном из лучших археологических журналов «Eurasia». Кроме того здешним филиалом Академии Наук принята для печати в предложенном к изданию «Абхазском Сборнике» моя статья о дольменах Абхазии.

Зная как живо Вас интересует все относящееся к Абхазии, я не премину выслать Вам оттиски этих статей, как только они мною будут получены.

У меня есть еще кое какой другой материал по Абхазии, который тоже надеюсь со временем опубликовать.

К сожалению, сейчас мое положение таково, что я почти лишен возможности заниматься научной работой.

В порядке принуд. работ я работаю сейчас в маленькой кооперативной организации, выполняя обязанности счетовода, деловода, кассира и пр.

Мое единственное горячее желание иметь возможность работать по специальности, т.е. в области археологии.

Я надеялся получить работу в Музее Грузии и имел основания для этой надежды, но недавно мне отказали в этом из-за отсутствия вакансий. Мое заявление и Curriculum vitae (в перев. с латинского – «ход жизни» – СЛ) находятся у директора Музея.

Моя просьба к Вам заключается в том, что не найдете ли Вы возможным рекомендовать меня в устной или письменной форме Наркомпросу тов. Бедия (Эрик Бедия – СЛ), как имеющего специальное образование (кончил археологический институт) и практический стаж в археологической работе.

Думаю, что с Вашей рекомендацией меня примут на работу в Музей Грузии, хотя бы временно.

Если я Вам понадобится лично или Вы пожелаете мне что-нибудь сообщить, то не откажите в служебное время (от 9 до 4) позвонить по телефону № 19-07.

Остаюсь искренне уважающий Вас Михаил Иващенко.

Тифлис.

Ул. Баранова, 8.

Лукин Александр Лукич (1882–1955) – врач, краевед-археолог. С 1905 г. жил в Абхазии, долгое время возглавлял Гудаутский здравотдел. Один из организаторов в 1922 г. Гудаутского отделения АбНО. Широко известна знаменитая «коллекция Лукина» эпохи бронзы, в 1924 г. выступал в Сухуме на краеведческом съезде. Открыл памятник эпохи неолита Кистрик (Гудаута), интересовался древними религиозными обрядами абхазов. Хорошо знал и поддерживал добрые отношения с Н. Лакоба с еще дореволюционных времен.

(См.: Абхазский биографический словарь. М. 2015.

С. 488–489).

Гудауты, 6.02.1936

Дорогой тов. Нестор!

Приношу Вам искреннюю благодарность за то, что Вы от трясли от неосновательных формальных посягательств мое право на персональную пенсию.

Какнибудь на досуге прочтите мою автобиографию, рожденную по требованию отдела Собеса. Быть может некоторые приведенные там факты подкрепит Ваше доверие ко мне, хотя документ этот далеко не полный.

Вот сейчас напр. я вспоминаю, как ввозился в 1908 году со вспышкой холеры, завезенной издалека в Бамборы и захватившей

также и «Новые участки» в Гудаутах; остановилось дело на 27 случаях, из которых половина окончилась смертью. Или, вот, 1932 год, давший мне случай оказать пользу местному крестьянству и т.д.

Стараюсь, тов. Нестор, несмотря на отсутствие здоровья, не опускаться, идти в ногу и быть по мере сил человеком общественно полезным.

Удалось кое чем помочь здравоохранению. Собираю научные материалы по археологии и родовому быту. Благодаря поддержке т. Ампара Вл. я был в январе в Калдахварах у его родни, для изучения их родового праздника.

4 прилагаемых записи – это опыт сбора материалов о Сеите Камлия. Считаю опыт удачным и поэтому одновременно направляю копии этих записей тов. Захарию Агрба, чтобы возбудить у него аппетит к этому начинанию.

Сердечный привет А. Лукин

К 130-летию Ефрема Эшба

А. АВТОРХАНОВ И В. ШАЛАМОВ О ЕФРЕМЕ ЭШБА

Ефрем Алексеевич Эшба (7 (19) марта 1893 – 16 апреля 1939) – абхазский государственный деятель, один из руководителей борьбы за установление Советской власти в Абхазии. В 1936 г. был репрессирован, в 1939 г. – расстрелян.

В 2023 г. Абхазия отмечает 130-летие Е. А. Эшба.

Ниже приводим фрагменты из книг историка, публициста Абдурахмана Авторханова (1908–1997) и писателя Варлама Шаламова (1907–1982), посвященные Е.А. Эшба.

Ефрем Эшба, абхазец по национальности, был человеком благородной души и исключительного личного обаяния. Он был один из немногих по-европейски образованных кавказцев, которых в ряды революционеров привели идеалы гуманизма. Эшба окончил в 1914 г. Московский университет, в том же году вступил в партию большевиков. В годы революции он входил в состав Кавказского комитета РСРП(б) и возглавлял окружной комитет партии. Встречался с Лениным, лично знал Сталина и дружил с Орджоникидзе. Эшба возглавлял и первое абхазское „автономное" правительство. Скоро Сталин заменил его своим личным ставленником – Лакобой, которого, впрочем, по его заданию, Берия убил еще до начала „Великой чистки". Сталин постоянно преследовал Эшбу, еще до того как он присоединился к оппозиции, только за одно: фанатично преданный Ленину, Эшба видел в Сталине все еще не разоблаченного уголовника.

Будучи во главе чеченской парторганизации, он никогда не выступал на ее собраниях за оппозицию, а выступал только в грозненской парторганизации, которая тогда не входила в чеченскую организацию. Когда впоследствии в Москве я напомнил ему этот загадочный для меня факт, он ответил:

– Мы затеяли тогда бой, исход которого не располагал к оптимизму. В случае гибели оппозиции я не хотел загубить и молодых

коммунистов Чечни, которые, безусловно, все пошли бы за мною, хотя бы потому, что я старший горец.

(Авторханов А. Мемуары. Франкфурт-на Майне: «Посев», 1983. С. 112–113).

...И пришел проститься с Гогоберидзе¹. И тогда он спросил меня медленно, медленно:

– Вы не знаете, где Эшба?

Вопрос был задан в октябре 1946 года. Эшба, один из видных деятелей компартии Грузии, был репрессирован давным-давно, в ежовские времена.

– Эшба умер, – сказал я, – умер на Серпантинке в самом конце тридцать седьмого года, а может быть, дожил до тридцать восьмого. Он был со мной на прииске «Партизан», а в конце 1937 года, когда на Колыме «началось», Эшбу в числе многих, многих других увезли «по спискам» на Серпантинную, где была следственная тюрьма Северного горного управления и где весь тридцать восьмой год почти непрерывно шли расстрелы.

«Серпантинная» – имя-то какое! Дорога там среди гор вьется, как серпантинная лента, – картографы так и назвали. У них ведь права большие. На Колыме есть и речка с фокстротным названием «Рио-Рита», и «Озеро танцующих хариусов», и ключи «Нехай», «Чекай» и «Ну!». Развлечение стилистов.

(Шаламов В. Гогоберидзе // Перчатка, или КР-2).

¹ Имеется ввиду Александр Гогоберидзе, в лагере был фельдшером.

Воспоминания

И.В. Анчабадзе

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Нижеследующий текст является отрывком из неопубликованных воспоминаний И.В. Анчабадзе «Ушедшие годы».

Ирина Вианоровна Анчабадзе (1921–2004) – заслуженный врач Абхазской АССР, долгие годы работала в медицинских учреждениях республики, была свидетелем многих событий в истории Абхазии прошлого столетия. В оставленных воспоминаниях немалое место уделено периоду репрессий и террора конца 1930-х – 1940-х гг., которые самым непосредственным образом коснулись семьи автора. В декабре 1937 г. были арестованы родители – нарком здравоохранения Абхазской АССР В.Т. Анчабадзе и хирург сухумской горбольницы В.А. Анчабадзе; оставшиеся члены семьи были выселены из занимаемой квартиры. Семья Анчабадзе жила по соседству с семьей Н.А. Лакоба. По случайной прихоти властей получилось, что по выселении обе семьи вновь оказались «соседями».

Среди упоминаемых в тексте лиц: Теолина Соломоновна Кахиани-Шенгелая (1874–1952) – бабушка автора; Лили Андреевна Шенгелая (1899–1977) – родная тетя автора, в дальнейшем – заслуженный библиотекарь республики, работала в библиотеке Сухумского пединститута; Зураб Вианорович Анчабадзе (1920–1984) – брат, в дальнейшем выдающийся абхазский историк, ректор Абхазского государственного университета; Назия Ахметовна Джих-оглы – сестра С.А. Лакоба, свояченица Н.А. Лакоба; была репрессирована; Мелек Патладзе (?–1952) – мать Назии Джих-оглы и Сарии Лакоба, теща Н.А. Лакоба; Мустафа (Мусто) Ахметович Джих-оглы – брат Назии Джих-оглы и Сарии Лакоба, шурин Н.А. Лакоба, репрессирован, инженер-строитель.

Текст печатается с небольшими сокращениями.

Ю.Д. Анчабадзе

Прибыв на место, обнаружили, что выделенные нам комнаты оказались смежными. При этом выяснилось, что до нас сюда была выселена семья Н.А. Лакоба, после того как НКВД разыграл возмутительный (превратившийся впоследствии в кровавый) спектакль по его посмертному объявлению «врагом народа». Однако семья Лакоба быстро редела – одного за другим НКВД выдергивал кого на расстрел, кого в ГУЛАГ, поэтому к тому времени, когда мы въезжали в этот свой новый дом, в двух комнатах оставалась жить лишь свояченица Нестора Аполлоновича – Назия Джих-оглы. Комнаты оказались неодинаковыми по размерам. Но нам объяснили, что, так как нас больше, Джих-оглы должна освободить большую комнату и перейти на жительство в маленькую, нам же четверым соответственно предназначалась большая из комнат.

Назия встретила нас приветливо и радушно, наверно, еще и как людей, с которыми судьба объединила общим горем и несчастьем. Она извинилась, что освободила для нас пока маленькую комнату, объяснив, что это ненадолго. Назия не собиралась задерживаться в Сухуме. Ей нужно было завершить какие-то неотложные дела, после чего имела намерение уехать на родину в Батум. Кроме того, в данный момент у нее гостили двоюродные сестры, а в ближайшее время она ожидала и младшего брата Мусто. Как только они уедут, объясняла Назия, мы беспрепятственно сможем занять полагающуюся нам большую комнату.

Естественно, мы немедленно согласились. Бабушка Теолина Соломоновна даже советовала Назии не торопиться с отъездом, а спокойно заниматься своими делами, а что до нас, то мы две пострадавшие семьи, всегда найдем общий язык. Назия выразила свою благодарность. Вскоре выяснилось, что в маленькой комнате все наши вещи не размещаются. Назия тут же предложила внести две кровати к ней в большую комнату. Так мы и сделали – я и тетя спали потом у Джих-оглы.

Только мы разместились, расположив по местам свой нехитрый скарб, как в комнату влетел Зураб. Он отсутствовал, когда за нами приехал грузовик, а уж как он узнал, куда нас отправили, не имею понятия.

Должна сказать, что до этого мы не были близки с Назией. Конечно, я знала ее; проживая по соседству с семьей Н.А. Лакоба, ча-

сто видела его свояченицу, мы здоровались, но не более, соседской, не говоря уж о дружеской близости между нами не было.

А вот, познакомившись поближе, я поняла, какой Назия чуткий, добрый, отзывчивый человек. Она не обладала яркой красотой, как ее старшая сестра Сария, но была очень миловидна, по характеру отличалась живостью, искренностью и это делало ее весьма привлекательной. Назия была очень почтительна с нашей бабушкой, предупредительна с Лили Андреевной. Находясь в тяжелой ситуации, она сохраняла какую-то внутреннюю стойкость и собранность, целеустремленность и деловитость. Вдобавок Назия ни на йоту не потеряла чувство юмора. Бывало, вернувшись из города, с горьким смехом рассказывала, как при встрече вчерашние добрые знакомые резво перебежали на другую сторону улицы, норовили скрыться за угол, вжаться в стену, но только не сойтись взглядом с «прокаженной».

Весьма приятное впечатление оставили ее кузины. Васфия была очень красивой женщиной, Акиля – менее, но отличалась женственностью, нежностью облика. Но главное сестры оказались тонченно воспитанными, интеллигентными, деликатными. К тому же отличались начитанностью, они многим интересовались, знали литературу, беседы с ними доставляли удовольствие. Васфия и Акиля также пережили обычную для того времени трагедию. Их мужья – Гриша Маршания и Володя Званбая – были репрессированы.

Так первый вечер на новом месте мы провели с Назией и ее милыми сестрами. Через несколько дней приехал младший брат Назии – Мусто, а еще через какое-то время Васфия и Акиля уехали в Батум. Назия же засобиралась в Тбилиси, чтобы получить свидание с томившейся в застенках тамошнего НКВД сестрой Сарией. Кроме того, Назия должна была передать Сарие кое-что из одежды. Помню, как Назия красила вещи в черный цвет – Сария и в тюрьме демонстративно носила по мужу траур и требовала, чтобы ей передавали только черное. Назия вернулась через неделю. Вещи у нее взяли, а вот свидания, насколько мне помнится, не разрешили.

В один из дней из Батума к Назии приехала мать вместе с маленьким внуком – сыном репрессированного сына Хемди. Мать Назии – уважаемая Мелек – оказалась очень приятной, милой женщиной. Она сразу нашла общий язык с бабушкой Теолиной Со-

ломоновной и тетей. Каждый вечер они собирались вместе, вели беседы, которые чаще всего возвращались к одной и той же теме – нашим арестованным близким.

Так было и в тот трагический и страшный вечер. Прошло месяца полтора после нашего вселения на новое место. Было около 22 часов. Зураба и Мусто дома не было, они еще не возвращались, остальные были в сборе. Назия находилась у себя в комнате, а ее мать с нами, мы сидели, неспешно разговаривали. Мать Назии рассказала, что видела неприятный сон, который ее встревожил и беспокоит весь день. Мы не успели сказать и слова, чтобы, как водится, успокоить рассказчика, просить не обращать внимания, уверить, что сны можно толковать по-разному и они не обязательно сбываются т.д., как в дверь раздался громкий стук. Мать Назии вздрогнула, и, протянув руки к двери, прошептала: «Вот».

Дверь отворилась и без приглашения в комнату вошли двое мужчин.

– Кто здесь Назия Джих-оглы, – спросил один из них

Услышав имя дочери, несчастная женщина вскочила и со сдавленным криком: «Они за Назкой пришли» бросилась в комнату к Назии. Через мгновение, в дверях показалась Назия и спокойным, ровным голосом сказала:

– Я Назия Джих-оглы, что вам угодно.

Ей объявили, что она должна пойти с ними. Услышав это, мать Назии стала неистово кричать, кидаясь то к одному, то к другому нквдешнику:

– Что вам нужно? Оставьте ее, она девушка, не замужняя. Что вы от нее хотите? Не забирайте ее. Не надо.

Но разве могло отчаяние матери разжалобить этих нелюдей. На бедную, метущуюся женщину не обращали никакого внимания, отмахиваясь, словно от назойливой мухи. Один из бандитов, особенно мерзкий и наглый, постоянно раздраженно повторял:

– Скорее, Назия Джих-оглы, скорее.

Однако проку от его окриков было мало. Назия вела себя дерзко. Она нарочито медленно собиралась, на каждый бандитский окрик огрызалась, заявляя, что она лично никуда не спешит, так что пусть он ее не подгоняет, периодически подходила к матери, обнимала, успокаивала ее. В это время вернулся Зураб. Узнав о происходящем в соседней комнате, разволновался, скинул с себя плащ и в отчая-

нии с силой бросил его на пол. Тут Лили Андреевна шепнула, что с минуты на минуту домой может вернуться Мусто, а в этой ситуации это совсем нежелательно, незачем бандитам видеть, что в доме присутствует еще и молодой парень, брат арестуемой, да еще не местный, а приезжий из Батума. Зураб оделся и быстро вышел, действительно через какое-то время перехватив Мусто на подходе к дому.

Между тем, сколько ни тянула Назия, но все-таки пришлось сказать нквдешникам, что она готова. Перед самым уходом она вновь попыталась успокоить мать, но безуспешно, ей пришлось оставить стонущую женщину и уйти вместе с палачами. По уходе дочери Мелек впала в обморочное состояние. Бабушка и тетя уложили ее, стали отпаивать лекарствами и постепенно привели в чувство. Минут через пять один из бандитов вернулся и сказал, что Назия забыла свой халат. Получив его, тут же убрался.

Совсем к ночи, тихо пробравшись, домой вернулись Зураб и Мусто. Никто не мог спать. Мы просидели до утра, переживая происшедшее, гадая, к чему все это может привести. Через несколько дней Мусто с матерью уехали в Батум.

Сурен Газарян

ЧАЛМАЗ

Сурен Оганесович Газарян (1899–1982) – старший лейтенант государственной безопасности; работал в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД Армении, Грузии, Закавказья с 1921 года. 28 сентября 1937 года был осужден на 10 лет лишения свободы. Отсидев в лагерях от звонка до звонка, в 1947 году был освобожден, в 1954 году реабилитирован. В 1958–1961 годах написал лагерные воспоминания – «Это не должно повториться», опубликованные, после его смерти, в журнале «Литературная Армения» в 1988 году (№№ 6–9). Ниже приводится глава из этой документальной повести – «Чалмаз», посвященная его сокамернику по тбилисской тюрьме – Михаилу Исламовичу Чалмаз (1902–1937) – абхазскому революционеру, государственному деятелю, осужденному по сфабрикованному осенью 1937 года делу «О контрреволюционной, диверсионно-вредительской, террористически-повстанческой, шпионской организации в Абхазии». Вместе с М. Чалмаз по этому делу проходили Михаил Лакоба, Василий. Лакоба, Константин Инал-ипа, Д. Джергения, С. Туркия, С. Сейсян, С. Эбжноу, А. Энгелов. Все они были расстреляны 4 ноября 1937 года.

– Соберитесь с вещами!

Этот окрик надзирателя относился ко мне. Меня охватила сильная тревога. Куда? Что ожидает меня? Я наивно подумал: может быть, убедились, что нелепо держать меня под замком, и отпускают на свободу? Нет, тогда всех должны отпустить, почему одного меня?

– Не нервничай, Сурен, – успокаивал меня Лакоба¹, – хуже места, чем эта камера, не найдется. А вот что будет с нами, неизвестно...

¹ Лакоба Михаил Аполлонович (1898–1937) – государственный деятель. С. Газарян так характеризовал его, на стр. 5 данной публикации: «Вот высокий, широкоплечий, с открытым лбом, большими карими глазами под густыми черными бровями Михаил Лакоба, начальник республиканской милиции Абхазии, брат Нестора Лакобы, бывшего председателя ЦИК Абхазии. Но какой-то странный, будто голова у него стала больше: то ли оттого, что оброс, то ли распухла».

– Ну как, готовы? – спрашивает через «глазок» надзиратель.
Странный вопрос. Ведь сами же отлично знают, что никаких вещей ни у кого нет.

– Готов, давно готов.

– Не забудьте забрать свою пайку, – напомнил Вадачкория¹. Да, пайку надо забрать, день еще впереди.

Тепло попрощавшись со всеми, я взял пайку и вышел из камеры. С Нахапетовым² я не смог попрощаться, он еще не вернулся с допроса.

– Руки назад! – приказал надзиратель.

Знакомым стуком ключа по бляхе он предупреждал, чтобы никто не попадался нам навстречу. Мы поднялись на третий этаж, прошли по чистому, окрашенному в красный цвет коридору, застланному мягкой дорожкой, заглушающей шаги. Остановились перед камерой 47. Надзиратель сдал меня дежурному по коридору, тот отпер камеру. Я удивился, что дверь открылась почти бесшумно.

Единственный человек, находящейся в камере, даже не изменил позу. Он сидел на краешке ничем не застланной койки и прикрывал лицо руками. Он даже не заметил появления нового человека. Положив свою пайку на стол, я подошел к нему и поздоровался. Он поднял голову, встрепенулся от удивления, посмотрел на меня.

– Сурен!

– Чалмаз!

Если бы мы встретились на воле, то ограничились бы обычным рукопожатием, но здесь мы обнялись и крепко поцеловались. Несколько минут сидели молча.

Чалмаз старый член партии, заместитель председателя ЦИК и наркомзем Абхазии. Долгие года Михаил Чалмаз работал с Нестором Лакоба – председателем ЦИК Абхазии.

Маленький, худой человек с маленькой головой на длинной шее, теперь он казался еще меньше, как-то осунулся, сжался, резко выступали морщины на смуглом лице, поседел. Только маленькие черные подвижные глаза по-прежнему блестели.

¹ Вадачкория автор на той же стр. 5 данной публикации называет так: «молодой талантливый профессор».

² Нахапетов Хачатур Аветович (1895–1937) – начальник Закжелдорбуфетконторы. Осужден в 1937 к расстрелу.

– Да, Сурен, вот какие дела, – первым начал Чалмаз. – Разве мы могли предполагать, что встретимся в такой обстановке? Дай закурить.

– Я тоже очень хочу курить, но ничего нет, ни папирос, ни табака.

– Жаль. Спички есть, а курить нечего. Откуда тебя приволокли? Я сказал о подземелье и о людях, которые там остались.

Чалмаз был арестован в Сухуми, несколько дней назад переведен в Тбилиси и все время сидел в подвале, рядом с нами. В эту камеру его перевели за несколько минут до меня.

– А где же твои вещи? – спросил я.

– Там, где твои, – ответил Чалмаз. – Разве я знал, что меня арестуют? Забрали из служебного кабинета и не разрешили сообщить домой. Впрочем, теперь лето, можно обойтись без всяких вещей. А когда наступят холода, эта катавасия кончится и каждый из нас вернется на свое место.

– Я тоже хочу думать так, хочу верить в это, но логика подсказывает мне, что если бы эта «катавасия» так быстро кончилась, ее вряд ли следовало начинать, – возразил я.

– Если бы меня обвиняли в том, что я украл у соседа курицу и съел ее, то у меня было бы больше оснований для беспокойства. Мне было бы труднее доказать, что я не украл курицу. А меня обвиняют в антигосударственных преступлениях, в том, что я с первого дня установления Советской власти в Грузии и Абхазии занимался антигосударственной, антипартийной, шпионской, диверсионной, террористической и черт его знает еще какой деятельностью...

– И, конечно, ты должен был убить Берия, – прервал я его.

– Ну, разумеется, в первую очередь. Ты не смейся. Ну скажи, пожалуйста, как же после всего этого не быть совершенно спокойным? Ведь мне не надо никаких доказательств, что все это чепуха. Вся моя жизнь – убедительное тому доказательство. Я уверен, что все выяснится, эта неслыханная провокация против честных людей прекратится, а виновники провокации получают по заслугам. А впрочем, лучше будет, если мы изучим наше новое обиталище. Мы же с тобой попали из ада в рай.

Это была камера-одиночка, размером около четырех квадратных метров. Окно, почти под потолком, выходило во двор тюремного корпуса. Пол цементный, окрашен в красный цвет. Одна железная койка без постели, небольшой столик, табуретка, чайник,

две глиняные кружки и две такие же миски и, конечно, неизменная параша. Вот и вся обстановка камеры.

На одной из боковых стен под потолком было небольшое квадратное отверстие, по всей вероятности вентиляционное устройство. Из этого отверстия что-то торчало. Я поднялся на табуретку, сунул руку в отверстие и вытащил оттуда скрученное полотенце длиной около двух метров. Раскрутив полотенце, мы увидели, что оно мастерски вышито украинским орнаментом. Да, крепко было скручено полотенце. Средство вполне надежное, чтобы покончить все счеты с этим миром. Кто-то приготовил его, но не успел воспользоваться – что-то помешало. Почему-то мы оба тщательно искали в камере место, за которое можно было бы зацепить полотенце, но ничего не нашли.

– Давай, Миша, разделим пополам, и каждый из нас станет обладателем добротного полотенца, – предложил я, – а может быть...

– Да, именно так, выкинем ко всем чертям это орудие смерти из камеры и больше не будем думать о нем, – продолжил мою мысль Чалмаз. Решение состоялось. Стуком в дверь был вызван надзиратель.

– Эту штуку мы нашли в отдушине, возьмите. Надзиратель невозмутимо взял полотенце и, не сказав ни слова, захлопнул форточку.

– Значит, ты тоже голый, как я, – заговорил Чалмаз.

– Да, меня тоже арестовали в служебном кабинете.

– Для вашего брата это очень удобно, – съязвил Чалмаз. – И на улицу не надо выходить: прошел по коридору, спустился вниз, и готово... И следователь свой, в обиду не даст...

За окном виден только кусочек неба. Само окно застеклено затемненным стеклом, а снаружи закрыто жестяным козырьком. Очень жарко в этой камере, но все же здесь есть слабый приток воздуха и мы довольны.

Мокрая рубашка прилипла к телу. Мы остаемся в трусах.

Маленькое тело Чалмаза было исполосовано.

– Что, Миша, тебя тоже?..

– А что я, рыжий?

– Но это же ужасно, а ты шутишь.

– Да, шучу. А что мне остается делать? Но ты, как вижу, совсем не тронут. Я же сказал, что хорошо вашему брату, следователи свои, в обиду не дадут. Видишь, тебя пожалели – чистенький. Как-никак товарищи, неловко ведь.

- Но мне тоже твердо обещано.
- Теперь уже все. Больше меня пытаться не будут. Между мной и следователем установилось полное согласие.
- И ты признал себя виновным во всем, в чем тебя обвиняют?
- Я подписал протокол допроса...
- А кто твой следователь? – спросил я.
- Чичико Пачулия¹, ты должен его хорошо знать.
- Футболист?
- Да, он.
- Но он же никогда не вел следствие, а только играл в футбол.
- Зато он сильный, умеет пытаться... Нет, я поступил правильно.
- Но пойми же, Миша, только подлец, злоупотребляя своей властью, может поднять руку на незащитного человека. Не понимаю, как ты решился оговорить себя и других.
- Чепуха. Никто всерьез не может принимать мои показания. Никто не поверит ни единому написанному там слову. Все знающие меня будут смеяться, прочитав мои показания. Разберутся, я твердо уверен, что разберутся. Сейчас творится непонятное, но так продолжаться не может. Кто утверждает обратное, тот потерял веру в партию.
- Но я не понимаю, для чего нужно тебя, меня и других под пытками превращать в преступников, контрреволюционеров, чтобы потом, как ты говоришь, «разобраться», где правда, где ложь? Собственно говоря, о каком разборе может идти речь, если ты сам своей рукой расписался, кто ты такой. Нет, ты напрасно надеешься на какое-то «разбирательство». А как разбирались с Тухачевским, Якиром и другими? Расстреляли, как врагов народа.
- Ничего, зато больше пытаться не будут. Придет время, дело дойдет до суда, мне нетрудно будет высмеять свои же показания. Ведь судить же будут люди, не идиоты.
- Да, но по твоим показаниям будут арестовывать людей и пытаться до тех пор, пока они сами в свою очередь не оговорят себя и других.

¹ Пачулия Григорий Алексеевич (1904–1981) – футболист тбилисского «Динамо» (в конце 1920-х – начале 1930-х гг.). После завершения спортивной карьеры – сотрудник министерства внутренних дел Грузии и Абхазии. В 1937–1938 гг. – нарком внутренних дел Абхазской АССР; на этом посту совершил множество злодеяний. В 1956 году был приговорен к расстрелу, однако, вскоре приговор изменили на 25 лет заключения.

– Я считаю, что мои показания не будут причиной ареста ни Иванова, ни Петрова, все равно их арестуют, если кто-то решил это.

– Но ты своими показаниями оказал услугу преступникам.

– Нет, с этим я не согласен. Я твердо верю в партию. Откуда бы ни исходило это преступление, все равно, партия поставит все на свои места. А моим показаниям никто не поверит.

– Я тоже верю в партию, верю в правду, но очень боюсь, что эта правда опоздает.

– Не будь пессимистом, – слабо сопротивлялся Чалмаз.

– При всех обстоятельствах ты не имел права оговаривать себя и других, как бы тебя ни пытали.

– Ты не понимаешь простой вещи. Попытки тут ни при чем. Я многое вытерпел в царское время. Если бы я находился в царской тюрьме, я нашел бы силы сопротивляться пыткам. Сознание того, что ты стоишь перед врагом, удесятерит силу сопротивления. Так поступали наши товарищи, когда переносили репрессии и преследования, шли на смерть с гордо поднятыми головами. Великое чувство – доказать, что ты сильнее врага. Наше положение совсем другое. Сознание того, что я нахожусь здесь в роли «посягателя» на интересы советского государства, ослабляет мою сопротивляемость. Я не в состоянии противопоставить себя следствию. Ты не видишь логики в моих суждениях, но я считаю вполне логичным, что несерьезно отношусь ко всему происходящему вокруг, к тому обвинению, что мне предъявляют, и, естественно, не могу выносить, когда меня бьют. Я сегодня подпишу любую нелепость и поставлю себя терпеливо ждать и верить, что запутанный клубок будет распутан. Я верю в партию, она не допустит нашей гибели.

– Ты не смог объяснить мне одно: кому все это нужно? Для чего создаются эти провокационные дела? Для чего мы должны подвергаться пыткам и унижениям? Это только на руку врагам советского государства, и я обязан сопротивляться, насколько позволят мне мои силы. Сопротивляться до конца. Я не знаю, как запою после пыток, но я твердо решил: ни за что не оговорю ни себя, ни другого.

Окрик коридорного прервал наши рассуждения.

– Получайте обед!

Он налил баланду в протянутую миску и собрался закрыть форточку.

– Нас двое, – заявляю я.

Он посмотрел какой-то список и сказал:

– Чалмазу принесут другой обед, специальный.

– Да..., Чичико Пачулия господин своего слова, – сказал Чалмаз: – После того, как я подписал протокол допроса, Пачулия сказал мне, что теперь ко мне будет совсем другое отношение, что он будет кормить меня особо.

Не понимаю, ничего не понимаю.

Обед Чалмазу принесла белокурая девушка Соня. Она работала в столовой для сотрудников и была мне хорошо знакома. Соня удивленно посмотрела на меня, но мы оба отлично знали, что нам нельзя разговаривать.

Обед Чалмаза состоял из трех блюд: суп, шницель и компот. Аккуратно нарезанные ломтики белого хлеба. Все в фаянсовых тарелках, как в столовой, но ножей и вилок, разумеется, не полагалось.

– Ну что ж, Сурен, давай обедать.

– Нет, Миша, кушай на здоровье, ты же видел, я уже съел свой обед.

– Или ты поешь со мной, или сию же минуту весь обед уйдет в парашу!

Это было сказано с такой категоричностью, что если бы я промедлил с ответом хоть на секунду, то он привел бы в исполнение свою угрозу.

– Ты с ума сошел! Как можно такой обед отправлять в парашу?

Дружно мы отдали должное «специальному» обеду.

– Теперь бы закурить, – почти одновременно выразили мы наши желания.

Эти желания исполнились с быстротой сказки. Открылась форточка, и Чалмазу вручили коробку папирос.

– «Казбек», вот здорово! Об этом Пачулия мне ничего не сказал, – удивился Чалмаз.

Курили молча.

Вечером, после раздачи кипятка, неожиданно открылась форточка и та же Соня предложила Чалмазу получить ужин.

Ужин добротный. Большой кусок жареного мяса с гарниром, кисель, белый хлеб.

– Дай, Миша, папироску, я закурю, а ты ужинай.

– Забыл условие?

– Нет, мне просто не хочется есть.

– Дурака не валяй, ты думаешь, мне очень хочется есть?

Еще не был съеден ужин, как Чалмазу принесли стакан мацони и свежую, еще теплую булочку.

– Пачулия и этого мне не обещал, – сказал Чалмаз – Совсем как в первоклассном санатории... Когда скотину кормят на убой, это понятно, хозяин хочет иметь жирное мясо – оно дороже. А чем можно оправдать такое расточительство нашего хозяина? Ты любитель искать логику во всем, так объясни мне, пожалуйста, все это.

– Мои суждения мрачны, Миша, а на ночь не следует поддаваться мрачным настроениям. Давай оставим логику в стороне и поиграем в спички. Это будет лучшим занятием перед сном.

Наигравшись, мы легли спать.

Оба отказались от койки и устроились на полу.

– Больше всего на мою психику действует вот эта лампочка, – сказал Чалмаз. – Никак не могу привыкнуть спать при свете. Это моя дополнительная пытка и самая невыносимая.

– А мне все равно. Пускай горит хоть тысяча свечей, я буду спать, если захочу.

– Но на кой черт до утра горит эта лампа? Кому она нужна? – возмущался Чалмаз.

– Без лампочки нельзя, Миша. Коридорный ежеминутно смотрит в «глазок», следит за нами, охраняет нас, отвечает за нас. Спи, Миша, спи.

Мы не спим. Я знаю, что Чалмаз закрыл глаза и замолчал, но не спит. Он тоже знает, что я не сплю. Но мы не мешаем друг другу.

Мало мы жили с Чалмазом в одной камере, всего несколько дней. Однажды после очередного вызова он больше не вернулся.

Позже, находясь в тбилисской тюрьме после моего осуждения, я узнал о том, что Чалмаз, Лакоба и все участники так называемого «абхазского дела» были расстреляны. Я узнал о том, что в газетных отчетах об этом «судебном процессе» приводились показания Чалмаза, в которых он рассказывал о своих «контрреволюционных преступлениях». Как же так? Ведь он твердо заявлял, что если дело дойдет до суда, то ему нетрудно будет высмеять свои же показания. Почему Чалмаз не сделал этого?

Газарян С. О. Это не должно повториться: Док. повесть // Литературная Армения. 1988, № 6. С. 12–16.

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

ЛЕВ МИХАЙЛОВИЧ БЕРЕНС,

потомственный дворянин, отставной штабс-ротмистр, бывший городской голова г. Сухум-Кале с 13.07.1899 г. по 31.12.1900 г.

В 1898 г., т.е. в год введения в г. Сухум-Кале городского положения, Сухумским городским головою был назначен Лев Михайлович, который до этого времени, с 1882 г. по 1890 г. был на военной службе, с 1 сентября 1892 г. служил земским начальником II участка Ананьевского уезда Херсонской губернии и с 1895 г. был гласным Ананьевского Земского собрания. Кроме того он состоял попечителем Березовского церковно-приходского и Колосовского народного училищ, попечителем Березовской бесплатной столовой-читальни, почетным мировым судьей и директором Сухумской тюрьмы.

За годы службы Л. М. головою закончено устройство набережной, открыто городское училище, приступлено к замощению улиц и к постройке городской больницы на средства, собранные профессором Остроумовым и пожертвованные г-жей Медведниковой.

Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903. С. 326.

М. Н. Дмитриевъ.

МИХАИЛ НИКОЛАЕВИЧ ДМИТРИЕВ,

врач, городской голова г. Сухум-Кале с 13.01.1901 г. по 31.12.1901 г.

Прослужив до избрания в городские головы помощником городского головы г. Сухума и избранный на этот пост в декабре 1900 г., Михаил Николаевич проявил свою деятельность на поприще общественной службы в следующем: при нем в городе начато и закончено такое крупное сооружение, как городской водопровод, и выстроена городская больница. В декабре 1901 г. М. Н. участвовал в качестве представителя города в заседаниях Комитета по портовым делам.

Сверх обязанностей городского головы М. Н. уделяет часть времени делам благотворительности, состоя председателем Сухумского Комитета об-ва Красного Креста и членом в следующих благотворительных об-вах: Об-ве для пособия нуждающимся студентам Императорского московского университета, Об-ве имени Шевченко и Об-ве для вспомоществования нуждающимся переселенцам.

Альбом городских голов Российской империи. СПб., 1903. С. 268.

КАРТАШЕВ (Карташов)

Лев Васильевич (24 ноября 1870, д. Малые Кармачи Лаишевского уезда Казанской губернии – 25 июля 1963, г. Гудаута, Абхазская АССР) – врач, общественно-политический деятель.

Окончил медицинский факультет Казанского университета (1900). Служил заведующим Алатырской земской больницей (Чувашия).

В 1907 году был избран депутатом Государственной думы II созыва от Симбирской губернии, после чего переехал в Санкт-Петербург. В Думе входил в состав Трудовой группы и фракции Крестьянского союза.

После роспуска Думы, в том же 1907 году вернулся в Алатырь, но вскоре переехал в Кутаисскую губернию; работал врачом в Чиатуре. В 1909–1919 гг. работал главным врачом больницы Общества пособия бедным имени Февронии Федоровны Довжиковой в г. Армавире. В 1919 году перешел на службу в Управление Кавказских минеральных вод на должность заведующего больницей им. Хлудовой в г. Кисловодске.

В начале 1920-х годов, из-за болезни, был вынужден сменить климат и переехать в Сухум. С 1922 года был членом Абхазского научного общества (АБНО). Входил в Ученый совет АБНО; выступал с научными докладами на медицинские темы. Работал хирургом и гинекологом-акушером.

В 1927 году переехал в Гудауту, где прожил до конца своих дней. В Гудауте тоже трудился хирургом и гинекологом-акушером. В 1954 году вышел на пенсию.

Автор около 20 научных трудов. Заслуженный врач Абхазской АССР (1941).

1-Й МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС КРАСНЫХ ПРОФСОЮЗОВ 8 МОСКВЕ (3–19 ИЮЛЯ 1921 г.)

Ниже приводится фрагмент главы из книги «Справочник партийного работника. Вып. 2» (1922), в которой рассказывается о работе 1-го международного конгресса профсоюзов, проходившем в Москве 3–19 июля 1921 года, т.е. еще до образования СССР. Абхазия была представлена на этом конгрессе как отдельная страна.

Состоявшийся в Москве в июле месяце 1921 г. I Учредительный Международный Конгресс Революционных Профсоюзов является безусловно одним из самых крупных фактов в истории профессионального движения послевоенного периода. Этот конгресс завершил процесс организационного сплочения революционного пролетариата в международном масштабе, дав ему ясные и определенные указания по всем вопросам, волнующим современное рабочее движение.

Состав конгресса был чрезвычайно разнообразен, вследствие чего, естественно, невозможно было установить однородные нормы представительства.

Всех делегатов на конгрессе было 380 с правом решающего голоса и 44 с правом совещательного. Они представляли 41 страну.

Были представлены следующие страны: Германия, Австрия, Венгрии, Чехо-Словакия, Швейцария, Польша и Вост. Галиция, Латвия, Эстония, Литва, Финляндия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Люксембург, Франция, Испания, Италия, Юго-Славия, Румыния, Греция, Турция, Болгария, Англия, Австралия, Южная Африка, Палестина, Япония, Китай, Ява, Корея, Россия, Украина. Азсрбейджан, Армения, Дальневосточная Республика, **Абхазия** (выделено нами – Ред.), Грузия, С.-А. Соед. Штаты, Канада, Мексика, Аргентина.

Все страны были разделены на 4 группы, в зависимости от международного значения страны и от степени развития в ней профдвижения.

1-я группа стран получила 16 голосов, 2-я – 12, 3-я – 8 и 4-я группа – 4 голоса. Страны, в которых имелось ½ миллиона организованных рабочих, сочувствующих или присоединившихся к Красному Интернационалу Профсоюзов, получили по 1 добавочному голосу на это количество и по 1 добавочному голосу на каждый миллион свыше.

К 1-й группе причислены были: Германия, Франция, Англия, Россия, Соединенные Штаты, Италия, Испания, Польша с Восточной Галицией, Чехо-Словакия.

Ко 2-й группе – Австрия, Венгрия, Болгария, Юго-Славия, Украина, Норвегия, Австралия и Аргентина.

К 3-й группе – Бельгия, Голландия, Швейцария, Румыния, Канада, Ирландия, Мексика, Греция, Швеция, Дания, Финляндия, Дальне-Восточная Республика, Азсрбейджан.

В 4-ю группу вошли все остальные страны, представленные на конгрессе.

Справочник партийного работника. Вып. 2. [Москва]: Издательское отделение Ц. К. Р. К. П., 1922. С. 320–321.

ПО СТРАНИЦАМ СУХУМСКИХ ГАЗЕТ

От редакции

Будучи органом строго прогрессивного направления «Сухумский Вестник» будет стремиться к правдивому, беспристрастному, объективному отношению ко всем сторонам жизни.

Окраина наша по разноплеменности населения резко отличается от однородных по своему составу местностей России и это заставляет нас проявлять особую чуткость и осторожность в сфере национальных вопросов. Не тяготеея ни к одной из многочисленных народностей, населяющих нашу окраину, и не признавая ни за одною из них права преобладания над остальными, – мы в то же время находим, что каждая из этих народностей вправе требовать к себе самого гуманного, самого вдумчивого отношения.

Сухумский Вестник. 1910, 3 октября, № 1.

К 100-летию присоединения Абхазии к России

17 февраля, по случаю исполнившегося в этот день столетия присоединения Абхазии, в местном кафедральном соборе Очемчирским протоиереем (абхазцем (о. Дмитрием Маргания – С.Л.) и духовенством отслужена была литургия.

Сухумский листок. 1910. 21 февраля, № 6

Сухумский листок, 1910-й год:

В городскую управу представлен проект устройства электрического трамвая от Нового Афона до драндского монастыря через Сухум.

Организуется О-во неподавания руки. Цель, преследуемая этим О-вом, исключительно гигиеническая. Такие О-ва существуют на многих заграничных курортах.

22 марта в 9 час. вечера вновь затухло электрическое освещение и в продолжение двух ночей город был погружен в беспросветную тьму.

Интересно знать, чем вызывается такое печальное явление, ставшее хроническим в последнее время.

12 мая вечером до появления луны, в Сухуме отчетливо наблюдалась с небольшим прямым хвостом Комета Галлея.

На электрической станции случайно обнаружена кража частей новой, только что выпущенной из заграницы машины. Несмотря на принятые меры и премию в 25 руб., назначенную администрацией станции, вещи не найдены.

Для управления Сухумского округа привезены из Петербурга 4 дрессированные собаки-сыщики, сметливость которых будет применяться при розыске преступников...

Сухумские вести. 1911-й год:

Вот уже несколько дней как в Сухуме находится и покупает табачки складчик из Нью-Йорка. Обращает он особенное внимание на табачки мелколистные, шоколадного цвета – плотные.

Волк в Сухуме. 14 июля в 7½ час. вечера, недалеко от дачи г. Томара, волк пытался стащить теленка; обыватели вовремя заметили это и отбили теленка.

Курьезная встреча. Некий Якуб-Урхан-Илья, по случаю покупки новых сапог, загулял и, как это бывает, после выпивки попал в участок... Туда же был доставлен в непродолжительном времени некто Мемед-Кос-оглы... Каково было удивление Якуба, когда на ногах у Мемед-Кос-оглы он опознал свои новые сапоги... Оказы-

вается, Кос-оглы снял их с Якуба, в то время, когда после обильной выпивки последний спал на улице...

Улица в осадном положении. На Георгиевской улице живет в своем доме Стефан Стефаниди, окруженный вооруженной стражей. Всякого, показавшегося им почему-либо подозрительным, они обыскивают...

Неосторожность шоферов. На днях автомобиль, на котором ехала из Сухума в Хосту городская депутация к министру юстиции, чуть не налетела на повороте на так же быстро ехавший встречный автомобиль.

Нас просят обратить внимание кого следует на бешеную езду автомобилистов по городу и в окрестностях. Были уже несчастные случаи на этой почве и опять могут легко произойти. В Москве, например, автомобиль не имеет права делать по городу более 10 верст в час.

Сухумский вестник. 1912-й год:

Письмо в редакцию. 27.X. ко мне во двор вбежала полицейская ищейка и направилась к отдельной пристройке, где находилась людская.

«Вот, значит, где вор», – объявили стражник и кухарка, разыскивающие пропавшее у нас одеяло; но по проверке оказалось, что полицейская собака вбежала в мой двор, почуяв суку, а не украденное одеяло.

Такой романтической собаке нельзя пока поручать ответственных полицейских обязанностей.

В. Метакса.

*Все материалы из сухумских газет подготовил к печати
Станислав Лакоба*

БИОГРАФИЯ Н.А. ЛАКОБА В ДАТАХ

- 1 мая 1893 г. – родился в селе Лыхны (Абхазия).
- 1901–1903 гг. – учился в монастырской Ново-Афонской школе.
- 1903–1905 гг. – учился в Лыхненской сельской двухклассной школе.
- 1905–1910 гг. – учился в Тифлисском духовном училище.
- 1910–1911 гг. – учился в Тифлисской духовной семинарии, из которой был исключен за чтение запрещенных книг.
- Лето 1911 – начало 1913 г. – вел подпольную революционную работу в г. Батум, где в сентябре 1912 г. вступает в ряды партии большевиков.
- 1913–1915 гг. – проводит революционную работу среди нефтяников Грозного и чеченских крестьян, оканчивает учебу в Грозненском реальном училище.
- 1916–1917 гг. – студент 2-го курса юридического факультета Харьковского университета.
- Март 1917 г. – в связи с революционными событиями возвращается в Абхазию; на крестьянском сходе в селе Лыхны избран Гудаутским участковым комиссаром.
- 1917 г. – выступал в Тифлисе на 1-м Кавказском краевом съезде советов рабочих и солдатских депутатов (в мае), на объединенных крестьянских сходах в Гагре, Гудауте, Гумистинском участке.
- Декабрь 1917 г. – по инициативе Н. Лакоба и при участии большевиков И. Вардания, М. Гобечия, В. Агрба и др. в селах Гудаутского района зародилась революционная крестьянская дружина «Киараз».
- Март 1918 г. – выступил в Сухуме на 2-м крестьянском съезде, подверг резкой критике меньшевиков, по настоянию трудовых крестьян избран заместителем председателя съезда.
- 8 апреля – 17 мая 1918 г. – установление советской власти в Абхазии; Н. Лакоба становится заместителем председателя Ревкома (председатель Е. Эшба, зам. председателя Г. Атарбеков).
- Май – осень 1918 г. – после поражения советской власти в Абхазии с боями пробился на Кубань, в район Белореченской – Майкопа. Через горные перевалы отправлен в Абхазию для партизанской борьбы.

- Конец 1918 г. – арестован и заключен в Сухумскую тюрьму.
- Апрель 1919 г. – по поручению Кавказского краевого комитета РКП(б) стал комиссаром милиции Кодорского участка (при меньшевиках).
- Август 1919 г. – избрал заместителем председателя Сухумского окружного комитета партии большевиков.
- 1919–1920 гг. – по заданию Кавказского краевого комитета РКП(б) входит в тройку по руководству подпольной боевой работой в Батумской области (взрывы Кобулетского моста, парохода «Возрождение» с боеприпасами, устранение генерала Ляхова).
- 1 мая 1920 г. – организация в Батуме первомайской демонстрации.
- Лето 1920 г. – в Москве, направлен на работу в Екатеринодар (Краснодар).
- 11 июня 1920 г. – уполномоченный по делам горцев Кубано-Черноморского ревкома, затем председатель Горского совета, ведет революционную работу в городах и селах Черкесии, Адыгеи, Карачая.
- 1920 г. – при участии Н. Лакоба в Адыгее создан один из первых на Кубани детских домов.
- Июнь 1920 г. – от имени Абхазии приветствовал I съезд рабочих и крестьян в Новороссийске.
- Август 1920 г. – по поручению Кубано-Черноморского ревкома выступил с докладом на I съезде горцев Кубани и Черноморья (под председательством Е. Эшба).
- Август-сентябрь 1920 г. – делегирован черкесами Кубани на I съезд Народов Востока в Баку, возглавляемый С. Кировым, С. Орджоникидзе и Е. Стасовой.
- Н. Лакоба и Е. Эшба избраны в руководящий Совет пропаганды и действия.
- Октябрь 1920 – март 1921 г. – по заданию Совета пропаганды и действия вместе с Е. Эшба и большой группой революционеров из Абхазии вел энергичную работу в Турции по изучению общественно-политической обстановки в стране.
- 6 марта 1921 г. – Е. Эшба и Н. Лакоба вернулись из Турции в Сухум, где 4 марта была установлена Советская власть. Тогда же при участии представителей 9-й Красной Армии здесь был сформирован Ревком Абхазии в составе: Е. Эшба (председатель), Н. Лакоба и Н. Акиртава.

- 28–29 карта 1921 г. – Батумское совещание (С. Орджоникидзе, С. Кавтарадзе, Е. Эшба, Н. Лакоба и др.) одобрило решение руководства Абхазии об образовании ССР Абхазия.
- 31 марта 1921 г. – Ревком Абхазии принял декларацию об образовании ССР Абхазия, о чем были извещены В.И. Ленин и все советские республики.
- Август – 14 декабря 1921 г. – Н. Лакоба отозван из Абхазии и направлен на работу в Батум.
- 14 декабря 1921 г. – Н. Лакоба вернулся в Абхазию и был восстановлен в прежних должностях заместителя председателя Ревкома и комиссара по военно-морским делам.
- 10–17 февраля 1922 г. – состоялся I съезд Советов Абхазии, который сформировал новые органы власти: Центральный исполнительный комитет (ЦИК) во главе с Е. Эшба и Совет народных комиссаров (СНК) под председательством Н. Лакоба.
- 17 февраля 1922 г. – 17 апреля 1930 г. – Н. Лакоба – председатель СНК ССР Абхазии, правительства республики.
- 30 декабря 1922 г. – образование СССР; сформировано правительство СССР (председатель ЦИК М. Калинин, председатель СНК В. Ленин). Нестор Лакоба вошел в состав ЦИК СССР, став членом правительства СССР.
- 17 апреля 1930 г. – 28 декабря 1936 г. – Н. Лакоба – председатель ЦИК Абхазии.
- 1934 г. – в Сухуме вышла книга «Сталин и Хашим» с предисловием Н. Лакоба, впоследствии неоднократно переиздававшаяся и переведенная на многие языки народов СССР.
- 15 марта 1935 г. – постановлением ЦИК СССР Абхазская АССР была награждена орденом Ленина. Орден Ленина получил и председатель правительства Н. Лакоба.
- Декабрь 1935 г. – в Москве, на заседании ЦИК СССР, Н. Лакоба за отличия в годы гражданской войны награжден орденом Красного Знамени.
- 7 декабря 1935 г. – Н. Лакоба в Кремле подарена фотография с автографом: «Товарищу и другу Лакобе от И. Сталина».
- 28 декабря 1936 г. – смерть Н. Лакоба в Тбилиси после ужина в доме Л. Берия.
- 29 декабря 1936 г. – тело отравленного главы правительства Абхазии Н. Лакоба доставлено поездом в Сухум, на станцию Келасур.

- 31 декабря 1936 г. – всенародные похороны Н. Лакоба в Сухуме.
- 1937 г. – после похорон с большими почестями, Н. Лакоба объявляют «врагом народа»; арестованы его мать, жена, сын; в Абхазии начался Большой террор.
- 14 мая 1938 г. – в застенках погибла мать Н. Лакоба – Шахусна.
- 16 мая 1939 г. – после пыток в тюремной больнице в Тбилиси скончалась жена Н. Лакоба – легендарная Сария.
- 28 июля 1941 г. – сын Н. Лакоба – Рауф Лакоба расстрелян в Москве вместе с братьями Николаем и Тенгизом Лакоба и похоронен в братской могиле на расстрельном кладбище НКВД СССР «Коммунарка».
- Середина 50-х гг. XX в. – Н. Лакоба, его соратники и близкие родственники посмертно реабилитированы.

В 1985 году в доме-музее Н.А. Лакоба я познакомилась с очень интересным человеком и прекрасным рассказчиком, Хахмигери Майором Давыдовичем, старейшим полиграфистом Абхазии. Он жил на первом этаже этого дома и мы с ним встречались несколько раз в музее. Некоторые интересные истории мне удалось записать с его слов.

Например, в 1933 году, когда должны были приступить к строительству гостиницы «Абхазия», Нестор Лакоба попросил архитектора В.А. Щуко набросать схему здания со стороны моря, чтобы посмотреть, как оно будет вписываться в архитектурный план города. Они отплыли на катере в глубину бухты и Щуко сделал набросок, получив добро от Нестора Лакоба на строительство гостиницы «Абхазия».

*Диана Ахба,
старший научный сотрудник
Абхазского государственного музея*

Виктор Стражев

ТОЛУМБАШУ

Готов я небо, землю, море
Волшбой в свидетели призвать,
Готов я клятву дать в Илори,
Готов и в кузне клятву дать –

«Закон стола» хранил я строго
И не считал за здравных чаш,
И за Апсны я пил из рога...
Но пощади же, толумбаш!

Гляди: вокруг – как поле боя.
А бой был долог и жесток!
И в окнах – утро голубое,
И весь исстрелян потолок.

Ряды пирующих, редея,
Изнемогли уже давно...
Нет! Лей мне лучше яд Медеи,
Чем гудаутское вино!

ТОЛУМБАШ – предводитель пира, хозяин стола. Его счастливой, но суровой власти пирующие обязаны подчиняться, по традиции, беспрекословно; его торжество – последняя, осушаемая им, чаша, после того как все остальные «изнемогли».

Клятва в кузнице (на наковальне) и в церкви св. Георгия Илорского (близ Очемчир) – традиционная клятва абхазов, пережиток глубокой древности.

Стражев В. Горсть: стихи. Сухум, 1923. С. 18, 29.

Дмитрию Уолфовичу
Гулиа
с душевным приветом
Вик. Стражева

Андрею Максимовичу
Чочу
с сердечным приветом
Вик. Стражева
19 мая
1923г.

Дарственные надписи Виктора Стражева к экземплярам книги «Горсть» (Сухум, 1923), адресованные Дмитрию Гулиа и Андрею Чочу

НЕСТОР

Альманах
№ 2

Верстка – С.И. Садзба
Обложка – А.З. Лабахуа

Фото на обложке:

В 1933–1935 гг. в Сухуме построена гостиница «Абхазия»
(архитекторы А.В. Шуко и В.Г. Гельфрейх)
и высажена аллея пальм «Вашингтония»

Формат 60x90 1/16
Тираж 50 экз.